

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИИ

DOI: 10.14515/monitoring.2019.2.15

Правильная ссылка на статью:

Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Иванова Н. С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18—35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 2. С. 318—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.15>.

For citation:

Varshaver E. A., Rocheva A. L., Ivanova N. S. (2019) Second Generation Migrants Aged 18–35 in Russia: Research Project Results. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 318—364. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.15>.

Е. А. Варшавер, А. Л. Рочева, Н. С. Иванова ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ В ВОЗРАСТЕ 18—35 ЛЕТ В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ВТОРОГО
ПОКОЛЕНИЯ В ВОЗРАСТЕ 18—35 ЛЕТ
В РОССИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВА-
ТЕЛЬНОГО ПРОЕКТА

SECOND GENERATION MIGRANTS AGED
18–35 IN RUSSIA: RESEARCH PROJECT
RESULTS

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — к.с.н., старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; руководитель, Группа исследований миграции и этничности, Москва, Россия

E-MAIL: varshavere@gmail.com

<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

*Evgeni A. VARSHAVER^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Senior Research Fellow; Head
E-MAIL: varshavere@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>*

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

² Group for Migration and Ethnicity Research, Moscow, Russia

РОЧЕВА Анна Леонидовна — к.с.н., научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; ведущий исследователь, Группа исследований миграции и этничности, Москва, Россия
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

ИВАНОВА Наталия Сергеевна — научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Россия; исследователь, Группа исследований миграции и этничности, Москва, Россия
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

Аннотация. В статье представлены результаты двухлетнего исследовательского проекта, посвященного интеграционным характеристикам мигрантов второго поколения в молодом взрослом возрасте (18—35 лет) из Закавказья и Средней Азии в России. Исследовательский проект включал интернет-опрос, осуществленный посредством таргетирования в социальных сетях ($N = 12524$), и серию интервью ($N = 401$) в десяти регионах России. Основываясь на немецкой традиции изучения интеграции мигрантов, авторы выделяют четыре аспекта интеграции: структурный, социальный, культурный и идентификационный, — каждому из которых посвящен раздел статьи. Авторы приходят к выводу, что в части доходов мигранты второго поколения из Закавказья и Средней Азии не отличаются от сопоставимых сверстников, в то время как в части образовательных траекторий эти группы существенно различаются, при этом высшее

Anna L. ROCHEVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow; Lead Research Fellow
E-MAIL: anna.rocheva@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-5901-8470>

Natalya S. IVANOVA^{1,2} — Research Fellow; Research Fellow
E-MAIL: nataliya.ivanova.0709@gmail.com
<http://orcid.org/0000-0002-1140-2334>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

² Group for Migration and Ethnicity Research, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of a two-year research project devoted to the integration of second generation migrants in the young adult age range (18-35 years old) from the regions of Transcaucasia and Central Asia currently living in Russia. The project includes an online survey where respondents were recruited using a targeting procedure on social networking sites ($N = 12524$) and a series of interviews ($N = 401$) in 10 regions of Russia. The article contains four parts—each dealing with one of the four migrant integration dimensions—which have been delineated based on the German tradition in migrant integration studies: structural, social, cultural, and identificational integration. The authors show that second generation migrants from Transcaucasia and Central Asia do not differ from their local peers in terms of their earnings, but there are significant variations in their educational level: higher education characterizes first of all second-generation migrants from

образование чаще всех получают закавказские мигранты второго поколения, затем — местные, затем — мигранты второго поколения из Средней Азии. Круги общения мигрантов второго поколения инклюзивны и в них доминируют представители «прочих» этнических категорий, жениться же они предпочитают на представителях «своей» категории, однако существует значительная группа мигрантов второго поколения, придерживающаяся «либеральных» установок и практик в части гендерных отношений, более того, хотя мигранты второго поколения в целом консервативнее местных, этот разрыв невелик. Идентификация мигрантов второго поколения со «своей» этнической категорией сильна, но это не мешает им чувствовать себя своими в России и идентифицировать себя с тем населенным пунктом и регионом, где они выросли. Если сравнивать положение российских мигрантов второго поколения с положением сопоставимых групп в прочих принимающих обществах, можно говорить, что в России интеграция этой группы мигрантов протекает успешно, наравне с такими принимающими обществами, как Канада и Австралия. Связано это, однако, в первую очередь не со взвешенной миграционной политикой, как в указанных странах, а с разнообразными факторами «советского наследия», в частности, с общим в недавнем прошлом культурным пространством, а также с эгалитарной городской средой — именно эти факторы имеют первостепенное значение для понимания миграционной системы, в центре которой находится Россия.

Transcaucasia to a lesser extent local youth, even less so — second-generation migrants from Central Asia. Social networks of second-generation migrants are inclusive and dominated by the representatives of “other” ethnic categories; however, their marriages are mostly monoethnic. A considerable share of second-generation migrants have “liberal” attitudes and practices in the realm of gender relations, and although second-generation migrants are generally more conservative than the local youth, the gap is minor. Second-generation migrants have a strong identification with “their own” ethnic categories but that impedes neither their feeling “at home” in Russia nor their belonging in the town or region of Russia where they grew up. A comparison of integration characteristics of second-generation migrants in Russia with situations in other migrant-receiving countries shows that the Russian case is successful, comparable with Canada and Australia. However, the success is explained not with the well-reasoned migration policy as in the latter states, but with the various factors of the Soviet past including a common cultural environment as well as egalitarian urban landscapes that are of paramount importance for the comprehension of the migration system centered around Russia.

Ключевые слова: интеграция, мигранты, мигранты второго поколения, Закавказье, Средняя Азия, смешанные методы

Keywords: integration, migrants, second generation migrants, Transcaucasia, Central Asia, mixed methods

Благодарность. Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Анализ интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2018 г.

Acknowledgments. The article is based on the research work "Analysis of integration trajectories of second-generation migrants in Russia" within the state assignment of RANEPА for 2018.

Постановка проблемы

Интеграция мигрантов является важнейшим «навыком» обществ XXI века. Известно, однако, что мигранты, переезжающие во взрослом возрасте, редко вливаются в принимающее общество в полной мере. Если экономически такие мигранты могут преуспеть, культурный арсенал принимающего общества зачастую осваивается ими, как минимум, не полностью. Их дети — так называемые мигранты второго поколения — в связи с этим оказываются в лучшем положении. Окончив школу в новой стране (а зачастую и родившись в ней), такие люди свободно ориентируются в культурном пространстве принимающего общества. Вместе с тем, как следует из международного опыта, их положение в системе образования, на рынке труда, их круги общения, ценности и представления о себе и своем месте в мире — все это существенным образом разнится от страны к стране и от группы к группе. Как обстоит дело с интеграцией мигрантов второго поколения в России? Получают ли мигранты второго поколения образование, сопоставимое с местными сверстниками, опережают их или, наоборот, отстают? Как уровень образования сказывается на уровне дохода и как много — в сравнении с местным — мигранты второго поколения зарабатывают, выйдя на рынок труда? С кем дружат и на ком женятся мигранты второго поколения, и верно ли то, что они образуют «закрытые сообщества»? Отличаются ли они от местных в части культурных паттернов, или эта разница преувеличена? Размывается ли у них этническая идентичность в сравнении с их родителями, и если нет, как она сосуществует с разнообразными политическими лояльностями? Эти вопросы, ответы на которые найдены для прочих миграционных обществ, с выпуском детей мигрантов первой постсоветской волны из школ¹ стали релевантны и для России. Ниже даны ответы на эти вопросы.

Основой для этого послужил двухлетний проект, в рамках которого был осуществлен массовый опрос мигрантов второго поколения и сопоставимых сверстников (N=12524), а также глубинные интервью (N=401) с ними, взятые в десяти регионах России. Мигранты второго поколения определяются в нем как все, чьи

¹ Исследованиям этих детей в школах был посвящен ряд проектов, в частности [Александров, Баранова, Иванюшина, 2012; Александров, Иванюшина, Казарцева, 2015], однако обзор релевантной литературы находится вне фокуса данной статьи, а исследования выросшего второго поколения, за исключением данного проекта, был посвящен лишь один проект [Мукомель, 2012].

родители родились не в России и кто окончил в России школу. Это широкое определение термина принято в свете того, что мигранты второго поколения в узком смысле — родившиеся у мигрантов в принимающей стране — среди всех выросших детей мигрантов образуют меньшинство. Терминологически можно было бы говорить о выросших детях мигрантов или о людях с миграционным бэкграундом, однако в свете еще меньшей определенности или противоречивости этих терминов, а также необходимости «привязки» к релевантной литературе было решено использовать термин «мигранты второго поколения» (МВП). Более того, в фокусе исследования так называемые этнические мигранты второго поколения из Армении, Азербайджана, Киргизии, Таджикистана или Узбекистана, то есть те, чьи родители (один или оба) относятся к одной из «нерусских»² этнических категорий и родились в указанных странах. Прочие категории мигрантов второго поколения (например, дети мигрантов из Украины или русские мигранты второго поколения из Средней Азии) находятся вне фокуса исследования, хотя и были опрошены в ходе количественной его части. Кроме того, исследование фокусировалось на так называемом молодом взрослом возрасте, определяемом как 18—35 лет. Указанные критерии, однако, служили в первую очередь компасом, в исследовании могли принять участие и мигранты второго поколения по лишь одному из родителей, и молодые люди 17 или 36 лет, кроме того, в качественном исследовании исследовательский интерес распространялся и на родителей мигрантов второго поколения, и на локальных экспертов, например, директоров школ, которые могли сообщить релевантную информацию об интеграции мигрантов второго поколения.

Ключевой исследовательский вопрос исследования: «Как происходит интеграция мигрантов второго поколения в России?» В основание исследования положена теоретическая рамка, базирующаяся на «немецкой» традиции изучения интеграции [Esser, 2001; Heckmann, Schnapper, 2003; Esser, 2004; Heckmann, Bosswick, 2005; Варшавер, Рочева, 2016], согласно которой есть четыре основных аспекта интеграции: структурная, характеризующая положение мигрантов в системе образования и на рынке труда, социальная, описывающая круги общения и брачный выбор мигрантов, культурная, связанная с изменением культурных паттернов, а также идентификационная, определяемая через характеристики эмоциональной связи мигрантов с теми или иными этническими или национальными категориями. Ниже описана методология исследования, затем приведены его результаты по каждому из аспектов интеграции (для каждого аспекта приведен свой исследовательский вопрос), в заключении результаты обобщены и сопоставлены с характеристиками интеграции мигрантов второго поколения в других странах, а также высвечены проблемы, связанные с интеграцией мигрантов второго поколения, и намечены пути их решения.

Методология

Проект реализован в рамках методологии смешанных методов. Сбор количественных данных осуществлен посредством организации всероссийского опроса

² Авторы стоят на конструктивистских позициях, что предполагает рассмотрение этнических категорий, в частности, национальностей, в качестве явлений, постоянно производящихся в ходе общения между людьми.

молодежи, включающей в себя как мигрантов второго поколения разного происхождения, так и их местных сверстников. Качественные данные — это серия интервью с мигрантами второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Москве и Московской области, Краснодарском крае, Тюменской области (включая ХМАО и ЯНАО), а также в Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Твери и Иркутске.

Опрос проводился совместно с Mail.Ru Group, которая владеет основными российскими социальными сетями — «Одноклассниками» (ОК) и «ВКонтакте» (ВК). В рамках опроса собрано четыре подмассива, различавшихся эмпирическими генеральными совокупностями и выборочными методами. Первый подмассив — это случайная выборка по пользователям группы «Опросы, тесты и мнения» в «Одноклассниках» и «ВКонтакте», социально-демографические характеристики пользователей которой не отличаются от таковых среди всех пользователей соответствующих социальных сетей³, и можно, таким образом, говорить, что была собрана репрезентативная выборка пользователей этих социальных сетей. Второй подмассив — результат таргетирования пользователей 16—35 лет по этнически маркированным группам и сообществам в «Одноклассниках» и «ВКонтакте» (81 армянская группа в ВК, 43 армянских групп в ОК, 90 азербайджанских групп в ВК, 49 азербайджанских групп в ОК, 13 узбекских групп в ВК, 16 узбекских групп в ОК, 28 таджикских групп в ВК, 18 таджикских групп в ОК, 45 киргизских групп в ВК, 33 киргизских групп в ОК, 14 грузинских групп в ВК, 16 грузинских групп в ОК, 31 украинских групп в ВК, 6 украинских групп в ОК). Третий подмассив — это пользователи 18—35 лет, у которых в профиле указаны родители, а в профиле родителей в качестве места рождения выбрана одна из интересующих нас стран — Азербайджан, Армения, Грузия, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан, Украина. Сбором данных для первого-третьего подмассива занимались специалисты Mail.Ru Group, совокупное число респондентов из этих подмассивов составило 9318 человек. Четвертый подмассив — это результат таргетирования пользователей 16—35 лет по группам и интересам в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook и Instagram. В последних двух социальных сетях нет возможности таргетировать по группам, поэтому для таргетирования мигрантов второго поколения из Средней Азии, Закавказья и Украины была использована категория «интересы» (например, для таргетирования мигрантов второго поколения азербайджанского происхождения запрос «по интересам» был сформулирован следующим образом: Азербайджан, Баку, азербайджанский язык), а для таргетирования молодежи 16—35 лет без миграционного бэкграунда дополнительных фильтров поставлено не было. В «Одноклассниках» мигранты второго поколения из Закавказья и Средней Азии были таргетированы через этнически маркированные группы (97 киргизских групп, 72 таджикские группы, 42 узбекские группы, 46 армянских и 35 азербайджанских групп), другие респонденты опрошены не были. Во «ВКонтакте» мигранты второго поколения из Закавказья и Средней Азии были таргетированы через этнически маркированные группы (46 киргизских групп, 75 таджикских групп, 37 узбекских групп, 100 армянских групп, 96 азербайджанских групп), а мигранты второго поколения из Украины

³ Согласно данным анализа, предоставленным партнерами из Mail.Ru Group.

и молодежь без миграционного бэкграунда были таргетированы без использования дополнительных фильтров. Этот подмассив был собран усилиями авторов статьи, число респондентов, достигнутых таким образом, составило 3206 человек. Можно, таким образом, говорить о том, что итоговый подход к отбору респондентов комбинирует принципы случайной и целевой (группы и интересы) выборки.

Опрос проводился в мае-июле 2018 г. Анкета на русском языке была размещена в интерфейсе приложения «Опросы, тесты и мнения», а также на ресурсе SurveyMonkey. Основные блоки анкеты — это социально-демографические характеристики, включая позицию на рынке труда, характеристики родителей, школьный опыт, связанные с идентификацией установки, романтические и брачные отношения, социальные связи, транснациональные практики (для мигрантов второго поколения). Кроме того, мигрантам второго поколения армянского и азербайджанского происхождения задавались вопросы о Карабахском конфликте и их установках в связи с ним. Реклама опроса в социальных сетях частью носила универсальный характер (см. рис. 1, рис. 2, рис. 3), частью была этнически ориентирована (см. рис. 4).

Рисунок 1. Пример креатива универсального характера

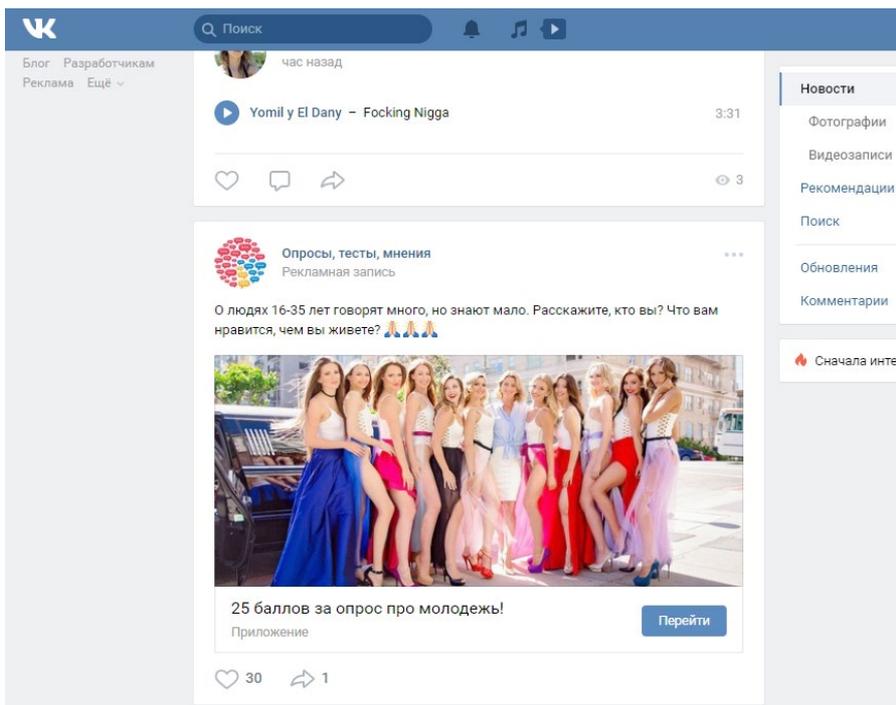

Рисунок 2. Пример креатива универсального характера

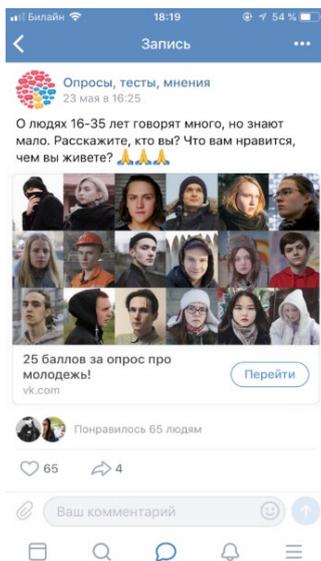

Рисунок 3. Пример креатива универсального характера

Рисунок 4. Пример этнически ориентированного креатива

В итоговый массив после чистки вошли ответы 12 524 респондентов. Для проведения предварительного анализа были выделены группы на основании места рождения и национальности отца или обоих родителей (открытый вопрос, кодировка), а также, в некоторых случаях, национальности респондента (открытый вопрос, кодировка). По умолчанию использовалось место рождения и национальность отца. Для начала было выделено 12 групп. Если отец респондента родился вне России или РСФСР, респондент классифицировался как МВП. Если нет — как местный. Если национальность отца была закодирована как «русский», респондент также классифицировался как «русский». Далее на пересечении национальности и места рождения были выделены следующие группы: армянские МВП (отец родился в одной из стран Закавказья, армянин), азербайджанские МВП (по аналогии), грузинские МВП (по аналогии), киргизские МВП (отец родился в одной из стран Средней Азии, киргиз), таджикские МВП (по аналогии), узбекские МВП (по аналогии), украинские МВП (отец родился в Украине, украинец), закавказские русские МВП (отец родился в Закавказье, русский), среднеазиатские русские МВП (по аналогии), украинские русские МВП (по аналогии), местные русские (отец родился в России, русский), местные нерусские (отец родился в России, любой другой национальности кроме как русский). На втором шаге из 12 групп было сделано 6, в частности, все закавказские этнические МВП были объединены в группу «закавказские МВП», среднеазиатские — в группу «среднеазиатские МВП», а русские МВП из Закавказья, Средней Азии и Украины были объединены в группу «русские МВП». Остальные группы остались такими же. На заключительном этапе, в связи с фокусировкой на МВП из Закавказья и Средней Азии, в анализ были включены только закавказские МВП, среднеазиатские МВП, а также местные русские и местные нерусские, при этом первые и последние две группы также, в зависимости от целей анализа, объединялись в группы «МВП» и «местные» или же исследовались отдельно.

Глубинные интервью были собраны в десяти регионах. В Москве и Московской области было проведено 72 интервью, в Твери — 23, в Иркутске — 23, в Ростове-на-Дону — 4, в Екатеринбурге — 3. Особняком стоят Краснодарский край и Тюменская область (включая ХМАО и ЯНАО), где исследование проводилось во множестве ло-

каций. В Тюменской области проведено 170 интервью с мигрантами второго поколения из Закавказья и Средней Азии, их родителями и экспертами в девяти городах и поселках (Тюмень, Сургут, поселок Нижнесортымский, Покачи, Нефтеюганск, Новый Уренгой, Салехард, Ноябрьск, Муравленко). В Краснодарском крае проведено 106 интервью, и в фокусе были мигранты второго поколения из Армении и Азербайджана в Краснодаре, Геленджике, Сочи, Армавире, Курганинске и Гай-Кодзоре. Всего в рамках проекта проведено 401 интервью.

Рекрутинг информантов проводился разнообразными методами: через образовательные учреждения (школы, средние специальные и средние профессиональные, а также высшие учебные заведения), мечети, диаспорные организации, социальные сети (например, этнически маркированные и локальные группы), сайты знакомств, места работы первого поколения мигрантов (например, рынки) и через личные контакты исследователей. Каждого информанта в конце интервью просили поделиться контактами других потенциальных информантов — однако ни одной большой цепочки информантов, связанных друг с другом, которая бы позволила говорить о серьезных смещениях в отборе информантов для интервью, не наблюдалось. При отборе информантов мы руководствовались требованиями теоретической выборки.

Гайд интервью включал в себя вопросы об истории миграции и социально-экономическом профиле семьи, об образовательной траектории информанта и траектории на рынке труда, кругах общения на разных этапах, установках и практиках в сфере романтических отношений, интеграционных траекториях братьев и сестер, уровне владения разными языками и особенностях их использования, транснациональных практиках, религиозности и так далее. При согласии информанта интервью записывались на диктофон. После интервью с мигрантом второго поколения исследователь заполнял профиль информанта в специально разработанной под цели проекта таблице — кейсбуке, где одна строка соответствует одному информанту, а столбцы — ключевым блокам гайда. Таким образом, чтение профиля информанта, заполненного в кейсбуке коллегой-исследователем, позволяло быстро, хотя и не полностью, воссоздать историю, которая за этим стоит. Если интервью проводилось с родителем, то столбцы заполнялись информацией о его детях. Если же интервью проходило с экспертом, то, помимо характеристики позиции эксперта, заполнялся один столбец — экспертные тезисы о населенном пункте. Впрочем, столбец с экспертными тезисами не был предназначен исключительно экспертам — второе поколение мигрантов, как и их родители, также делились своими наблюдениями о месте взросления и проживания, о траекториях своих сверстников с разными миграционными профилями. Также в кейсбуке фиксировались материалы наблюдений, проводившихся в ходе или в связи с интервью.

Результаты исследования

Структурная интеграция

Различаются ли мигранты второго поколения и местные в части уровня образования? Для ответа на этот вопрос был создан подмассив, состоящий из тех, кто на момент опроса или только работал, или не работал и не учился, то есть — окончательно или временно — получил образование. Согласно расчетам, есть существен-

ные различия между группами в части высшего уровня полученного образования (см. табл. 1). Закавказские МВП имеют высшее образование или степень кандидата наук в 53% случаев, что значительно больше, чем среднеазиатские МВП и местные. Среднеазиатские МВП, напротив, значительно чаще остальных (43% против 29% у местных и 22% у закавказских МВП) имеют только школьное образование. Более того, формулировка вариантов ответов не позволяет вычленить тех, кто не окончил девять классов, из качественных данных, однако известно, что такие случаи не единичны, в особенности среди среднеазиатских МВП.

Таблица 1. Уровень образования закавказских МВП, среднеазиатских МВП и местных респондентов

Уровень образования	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные
Школьное (8, 9, 10 или 11 классов)	22%	43%	29%
Профессиональное, неvyšшее	25%	35%	35%
Высшее или степень	53%	23%	36%
Всего	1199	274	3468

Какими могут быть траектории, за счет которых у мигранта второго поколения может отсутствовать даже базовое школьное образование? Скорее всего, должны присутствовать два фактора — сложная семейная ситуация и запретительные установки родителей. Н. (ж, 21, тадж., Москва⁴) училась в Таджикистане до четвертого класса, после чего ее семья переехала в Москву на два года, в течение которых она не ходила в школу. Затем ее семья на год вернулась в Таджикистан, где Н. ходила в шестой класс, вслед за этим она с матерью и сестрой вернулась в Москву. Отец на тот момент с ними уже не жил — жил с другой женщиной. Мать хотела, чтобы Н. сидела дома, а кроме этого, некому было сидеть с сестрой, которая не ходила в детский сад. После приезда Н. в школу не ходила и ее образование было прервано на шестом классе. Сейчас она работает стилистом по прическам.

В какой степени у мигрантов второго поколения доход больший или меньший, чем у сопоставимых местных? Чтобы понять это, был проведен анализ средних по всем работающим респондентам⁵.

Согласно анализу, различий между группами «мигранты второго поколения» и «местные» не выявлено (см. рис. 5, рис. 6). Если среднее значение по всему массиву составляет 41 343 рубля, значение по мигрантам второго поколения — 41 480 рублей, а по местным — 41 283. Выявленная разница в 197 рублей не является статистически значимой. Анализ по трем группам, в ходе которого из группы «мигранты второго поколения» были выделены мигранты второго поколения из Закавказья и из Средней Азии (см. табл. 2), также не зафиксировал статистически значимой разницы между группами.

⁴ Здесь и далее для каждого респондента указывается пол, возраст, группа по месту рождения и происхождения родителей, а также регион пребывания информанта во время интервью.

⁵ В анализ включены все ответившие «только работаю» на вопрос о занятии.

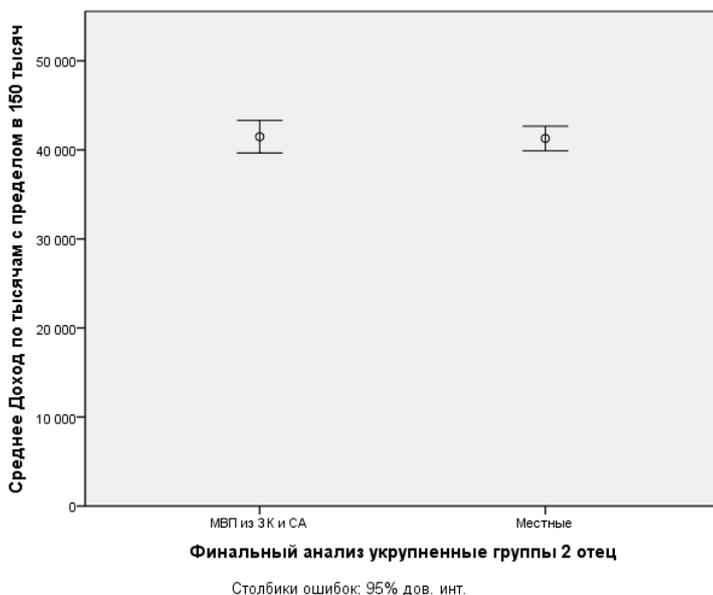

Рисунок 5. Сравнение средних значений: доход местных респондентов и мигрантов второго поколения

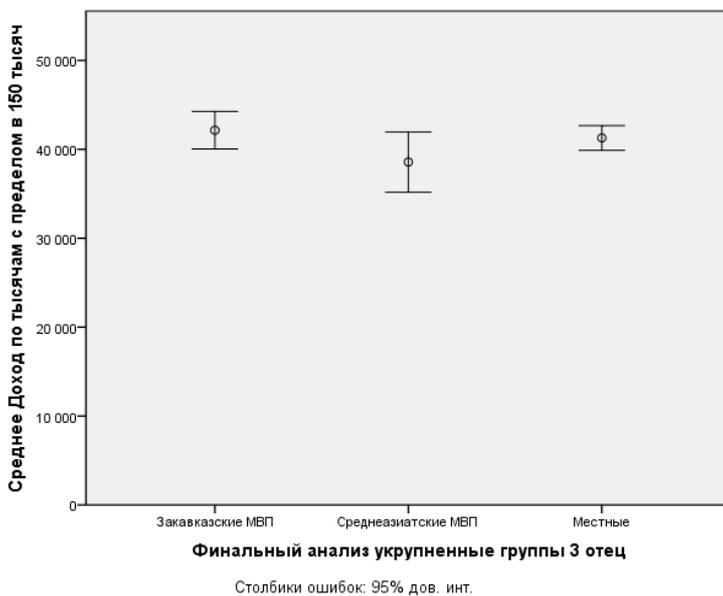

Рисунок 6. Сравнение средних значений: доход местных респондентов, закавказских и среднеазиатских МВП

Таблица 2. Сравнение средних значений:
доход местных респондентов, закавказских и среднеазиатских МВП

Группа	N	Среднее	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные
Закавказские МВП	979	42 149		3579	865
Среднеазиатские МВП	225	38 570	-3579		-2713
Местные	2761	41 284	-865	2713	
Всего	3965				

Следует, однако, определить, как обстояло бы дело, если бы группы не отличались по полу и возрасту, и посредством регрессионного анализа сбалансировать группы по этим критериям (см. табл. 3). Согласно регрессионному анализу, отсутствие разницы между местными и всеми мигрантами второго поколения сохранилось бы, как и отсутствие разницы между местными и закавказскими МВП. Вместе с тем появилось бы статистически значимое различие между местными и среднеазиатскими МВП — вторые «стали» зарабатывать меньше на 5,5 тысячи рублей.

Таблица 3. МНК регрессия, зависимая переменная — ежемесячный доход⁶

МНК регрессия, зависимая переменная — ежемесячный доход		
Возраст	-415**	-438***
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-7934***	-8000***
Группа (1 — МВП, 2 Местный)	1295	
Закавказские МВП		-414
Среднеазиатские МВП		-5413***
Константа	62 036	65 362
R ²	0,015	0,016
N	3965	3965

⁶ *** $p < 0,001$

** $0,001 \leq p < 0,01$

* $0,01 \leq p < 0,05$

· $0,05 \leq p < 0,1$

Скорее всего, это различие связано с тем, что в массиве среди работающих среднеазиатские мужчины представлены больше, чем женщины, при том что мужчины по всем группам и по массиву в целом получают больше. Доля мужчин среди работающих среднеазиатских МВП — 63 %, закавказских МВП — 57 %, местных — 50 %. В целом же, таким образом, по России доход работающих мигрантов второго поколения равен доходу местных.

Вместе с тем анализ выявил значимые различия между группами отдельно в столичных (к ним были отнесены Москва, Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область) и нестоличных (все прочие) регионах (см. табл. 4, рис. 7, рис. 8). Более того, различия в доходах между МВП и местными в этих двух группах регионов различаются зеркально. Если в столичных регионах местные получают больше прочих групп (МВП в целом и МВП из Закавказья и Средней Азии), в остальных регионах их доход статистически значимо ниже. В столичных регионах, кроме того, просматривается своеобразная иерархия, согласно которой больше всех получают местные (59 186 рублей), за ними — закавказские МВП (51 494), а замыкают последовательность среднеазиатские МВП (37 050 рублей), в остальной России доход закавказских и среднеазиатских МВП примерно одинаков (39 680 и 36 322 рублей соответственно), а доход местных составляет 32 611 рублей. Наиболее очевидным образом такое положение вещей можно объяснить через различия в занятиях (см. табл. 5). В нестоличных регионах МВП бизнесом занимаются чаще, чем местные, в столичных же регионах бизнесом чаще всего занимаются местные и закавказские МВП, а среднеазиатские по этому показателю отстают. Как будет показано ниже, наличие бизнеса является одним из центральных факторов, объясняющих различия по доходу. Не подтвердилась гипотеза, сформулированная на основе результатов качественного исследования, согласно которой в регионах закавказские МВП занимаются бизнесом чаще, чем в Москве, где они претендуют на позиции специалистов с высшим образованием: в столичных регионах и во всех прочих регионах доля закавказских МВП, которые занимаются бизнесом, идентична — 21 %. Зато подтвердилась гипотеза, что МВП в регионах часто идут работать на семейные предприятия: доля занятых таким образом среди закавказских МВП — 8 %, среднеазиатских МВП — 9 %, местных — 4 %.

Таблица 4. Сравнение средних значений: доход респондентов по регионам

	Местные	МВП	СА МВП	ЗК МВП	Местные — МВП	Местные — ЗК МВП	Местные — СА МВП	ЗК МВП — СА МВП
М, МО, СПб, ЛО	59186	48581	37050	51494	10605***	7692**	22136***	14444**
Прочие регионы	32611	36917	39680	36322	-4306**	-3711*	-7069*	-3358

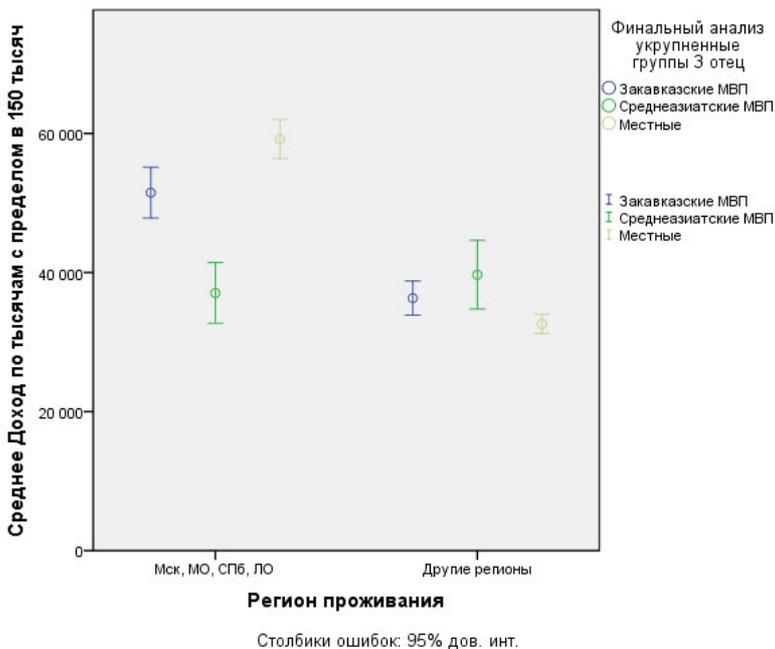

Рисунок 7. Сравнение средних значений: доход групп респондентов по регионам

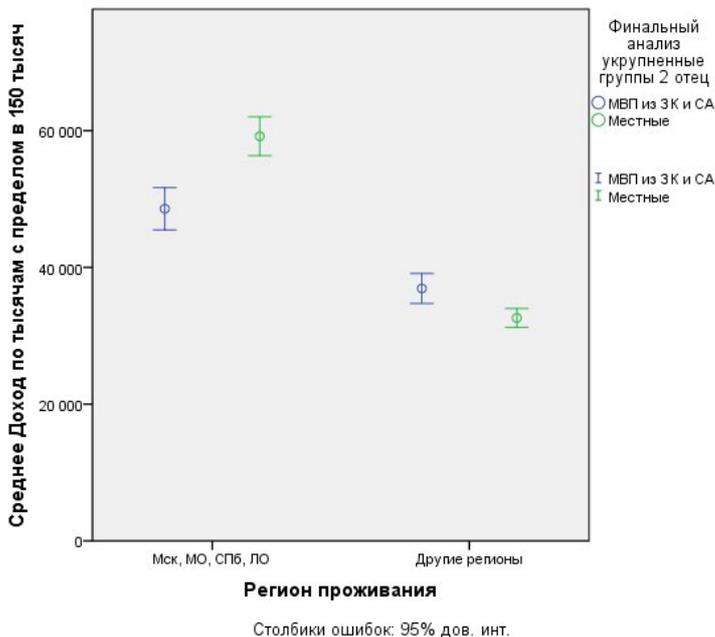

Рисунок 8. Сравнение средних значений: доход МВП и местных по регионам

Таблица 5. Кросс-табуляция: тип занятости закавказских МВП, среднеазиатских МВП, местных респондентов в разных регионах

		Наемный работник, в т. ч. госслужащий	Собственный или семейный бизнес	Самозанятость	Хи-квадрат
Везде	Закавказские МВП	73 %	21 %	6 %	23,487**
	Среднеазиатские МВП	78 %	18 %	4 %	
	Местные	80 %	15 %	6 %	
М, МО, СПб, ЛО	Закавказские МВП	72 %	21 %	7 %	8,855 [^]
	Среднеазиатские МВП	84 %	14 %	2 %	
	Местные	71 %	23 %	6 %	
Прочие регионы	Закавказские МВП	74 %	21 %	5 %	50,330***
	Среднеазиатские МВП	73 %	22 %	5 %	
	Местные	84 %	10 %	5 %	

Как и почему это происходит? Мигранты второго поколения, дети бизнесменов, «вникают» в особенности ведения бизнеса со школьных лет, помогая родителям, и по окончании обучения могут заработать на жизнь, продолжив этот бизнес. Например, В. (м., 22, узб., Тюменская область), живущий в Тюмени с десяти лет, работает в фирме своего отца, которая занимается оптовой продажей фруктов и овощей, и собирается сменить отца «у руля». Поработав на предприятии своих родителей или родственников, мигранты второго поколения могут открыть собственный бизнес. Так поступил С. (м., 21, азерб., Тюменская область), чья семья переехала из Азербайджана, когда ему было 11 лет. Еще обучаясь в средних классах школы, он много времени проводил в магазине своего отца и, окончив девять классов без троек, решил не продолжать обучение, а вместо этого проработал год в этом магазине «на полную ставку», после чего открыл при финансовой помощи отца свой ларек. О своих размышлениях на момент окончания девятого класса он рассказывал так: учиться пять-шесть лет, чтобы зарабатывать 30 тысяч — это не для него, а время он терять не хотел — и никогда потом не жалел, что не продолжил обучение. Бывает и такое, что бизнес открывают МВП, чьи родители бизнесом никогда не занимались. Например, отец С. (м., 25, азерб., ЯНАО) еще в советское время после армии перебрался в Ноябрьск, где всю жизнь работал на дорожных работах, его мать работала воспитателем в детском саду. С. отучился в колледже на электрика, затем, проработав некоторое время по специальности, начал продавать духи «с капота» своей машины, сейчас у него сеть магазинов.

Можно ли говорить об особой типичной занятости тех или иных групп МВП? По всей видимости, да. Несмотря на общее сходство в структуре занятости, были также зафиксированы важные различия (см. табл. 6

). Местные гораздо чаще работают в промышленном производстве (17 % против 6 % у закавказских МВП и 8 % у среднеазиатских МВП). Закавказские МВП чуть чаще двух других групп работают в здравоохранении (7 % против 3 % у среднеазиатских МВП и 4 % у местных), а также в торговле (14 %, 11 %, 9 % соответственно). Среднеазиатские МВП недопредставлены в образовании (1 % против 5 % у закавказских МВП и местных), однако гораздо шире прочих групп представлены в общественном питании (21 % против 6 % у закавказских МВП и 4 % у местных). Более того, анализ, дезагрегированный по группам, позволяет говорить, что чаще всего представлены в этой сфере киргизские МВП (27 % случаев), а медиками становятся азербайджанские МВП (9%), конкретнее — женщины: 18 % от всех занятых азербайджанок МВП женщин работают в медицине. Таким образом, можно говорить о складывающейся «специализации» разных групп МВП.

Таблица 6. Распределение респондентов по сферам занятости

	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные	Всего
Промышленное производство (в т. ч. добывающие отрасли)	6 %	8 %	17 %	14 %
Сельское, лесное, рыболовное и т. п. хозяйство	1 %	3 %	3 %	2 %
Строительство	10 %	8 %	10 %	10 %
Сфера услуг, сервиса, бытового обслуживания	8 %	9 %	8 %	8 %
Общественное питание, ресторанный бизнес	6 %	21 %	4 %	6 %
Жилищно-коммунальное хозяйство	1 %	0 %	2 %	2 %
Наука, наукоёмкое и высокотехнологичное производство	1 %	0 %	1 %	1 %
Образование	5 %	1 %	5 %	5 %
Здравоохранение	7 %	3 %	4 %	5 %
Культура, искусство	2 %	4 %	3 %	3 %
Средства массовой информации	1 %	0 %	1 %	1 %
Система государственного, муниципального управления	2 %	2 %	2 %	2 %
Военная служба	1 %	2 %	2 %	2 %
Правоохранительные органы, силовые структуры, МЧС	2 %	1 %	2 %	2 %
Судебные органы, юриспруденция	3 %	0 %	2 %	2 %
Транспорт, складское хозяйство	4 %	4 %	4 %	4 %

	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные	Всего
Информационные технологии, связь, интернет	4%	2%	4%	4%
Оптовая, розничная торговля, риэлтерский бизнес	14%	11%	9%	11%
Финансовая сфера, банковские услуги	6%	5%	3%	4%
Консалтинг, информационные услуги	1%	0%	1%	1%
Спорт, туризм, сфера отдыха и развлечений	4%	3%	2%	3%
Другое	8%	8%	7%	8%
Затрудняюсь ответить	3%	3%	4%	3%
	100%	100%	100%	100%

Результаты качественного исследования позволяют представить медицинские траектории для азербайджанских девушек и траектории в общепите для киргизских МВП в лицах. Популярность медицинской стези для девушек, выросших в азербайджанских семьях, один из информантов (м., 30, азерб., Тверская область) объяснил так: «считают, она там отучится, выйдет замуж, а разрешит ли муж работать в той сфере, где имеются сотрудники... ну, мужчины. А в медицине они считают, что она пришла там, да получила образование гинеколога, сотрудники все будут в основном [женщины]. Это такой стереотип». Кроме того, в семьях информантов существует представление, согласно которому в доме должен быть врач, а также что медицина — благородное дело. В результате таких установок медицинское образование и соответствующая профессиональная траектория достаточно распространены, и там, где азербайджанских МВП много, значительная часть медицинского персонала в некоторых больницах может быть азербайджанского происхождения. Как рассказала Щ. (ж., 26, азерб., ЯНАО), медицинская сестра одной из больниц Нового Уренгоя, чья семья переехала из Азербайджана в ЯНАО еще до ее рождения, в каждом отделении этой больницы «по азербайджанке есть точно», причем это могут быть медсестры, врачи, санитарки.

Распространенность занятости мигрантов второго поколения киргизского происхождения в сфере общественного питания, по всей видимости, связана с поиском работы через недавно приехавших сверстников, а также через родителей — или через знакомых родителей, которые, в свою очередь, часто трудоустроены именно там. Например, ниже приведен отрывок из интервью с Б. (ж., 21, кирг., Москва) работавшей в одной из московских «Шоколадниц», который объясняет, как может произойти такое трудоустройство:

«Я устроилась после десятого класса летом, мне нечего делать, мы домой не поехали, я отдыхала и гуляла просто. И тут ко мне в голову приходит: «О, надо бы поработать, денег подзаработать на карманные расходы». Прихожу домой, посоветовались с мамой <...>, посоветовались с папой <...>. И я такая: «О, попробую в Макдональдс,

школьников, возможно, берут». Я пришла, мне сказали: «Да, конечно. Ты школьница, да, возможно возьмем, но только на лето. Но ты начнешь после мытья полов, то есть с работы помыть то, помыть то». Я такая: «Ладно». Мне сказали, что позвонят и не звонили. Потом к маме пришла подруга, они поговорили, оказалось, что эта подруга работает в «Шоколаднице» поваром. И она как раз, мы тогда в Медведково жили, и она как раз в Медведково в «Шоколаднице» работала. И она: «Нам как раз нужны официанты. Давай твоя дочка поработает. Ты не против? Давай директору расскажу, что есть такая девочка, знает русский язык, у которой гражданство РФ. Внешность не славянская, но она будет работать хорошо». Мама позвала меня к себе: «Вот, предлагают тебе работу, как ты смотришь на это?» Я такая: «Ооо, давай». На следующий день, она как раз была на работе, рассказала директору, эта женщина мне позвонила, говорит типа: «Приходи на собеседование». Я такая: «О, прикольно». Такая расфуфырилась, оделась, все самое такое, во все свои передовые, крутые вещи. Пришла, она поспрашивала меня <...> Вот таким образом я устроилась. Полгода я работала официантом, через полгода мне предложили стать наставником».

Таблица 7. **Линейная регрессия (МНК), зависимая переменная — ежемесячный доход**

Линейная регрессия (МНК), зависимая переменная — ежемесячный доход. В расчет включены все работающие.

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Пол (1 — мужской, 2 — женский)	-9374***	-9649***	-9518***
Возраст	-68	-117	-173
Место рождения обоих родителей	-2776**	-3127***	-2911***
Уровень образования обоих родителей	1202	1523`	1250
Регион проживания	-16229***	-16306***	-16069***
Образование три категории	4283***	3834***	3837***
Оценки в школе	-3457***	-3290***	-3236***
Наличие бизнеса	37908***	38043***	38372***
Местный	1049	4819**	
Русский		-5466**	
Закавказский МВП			-1102
Среднеазиатский МВП			-1782
Константа	79744,781	84688,217	85372,783
R ²	0,27	0,28	0,27
N	4584	4584	4584

Таким образом, можно говорить, что, во-первых, в сравнении с местными закавказские МВП образованы лучше, а среднеазиатские — хуже, однако эф-

факта на усредненном групповом уровне это не имеет — получают закавказские и среднеазиатские МВП, а также местные примерно одинаково. Более того, регрессионный анализ (см. табл. 7) показывает, что ожидаемо на индивидуальном уровне сильнее всего с доходом связано наличие бизнеса, а связи между уровнем образования и наличием бизнеса, согласно простому корреляционному анализу ($r=0,013$, $p=0,389$), выявлено не было. В целом же представленные регрессионные модели довольно четко выявляют связанные с доходом факторы — коэффициент детерминации доходит до 28%. В частности, наряду с наличием бизнеса наиболее значимы такие факторы, как регион проживания (в столичных регионах доход в среднем выше примерно на 16 тысяч рублей в месяц), уровень образования (те, кто имеет только школьное образование, «недополучают» до 12 тысяч в сравнении с теми, кто окончил ВУЗ), а также пол (мужчины получают при прочих равных больше женщин на 9,5 тысяч рублей). А вот фактор принадлежности к мигрантам второго поколения не значим — разница между ними и местными, если контролировать по указанным и прочим факторам, составляет порядка 1000 рублей и не является статистически значимой. Более того, в такой модели нет разницы между закавказскими и среднеазиатскими МВП.

Социальная интеграция

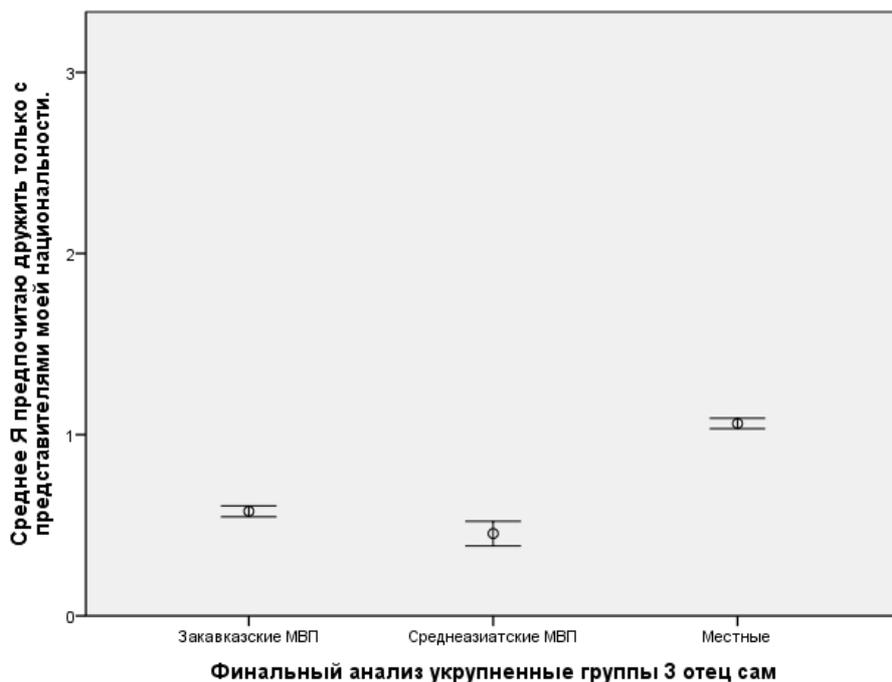
В основание этого раздела помещен вопрос: в какой степени мигранты второго поколения в части общения замыкаются на представителях своей этнической категории, при этом под общением понимаются как коллегиальные, приятельские и дружеские отношения, так и брак и романтическое партнерство. Для ответа на эти вопросы будут проанализированы и установки, и реальные отношения.

В опросе респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности». Ответы были перекодированы таким образом, что полное несогласие с данным высказыванием соответствовало значению 0, а полное согласие — значению 3. Значение 1 соответствовало варианту ответа «скорее не согласен», а 2 — «скорее согласен». В расчеты по всем вопросам, посвященным социальной интеграции (за исключением брачных и романтических отношений), были включены МВП из Закавказья и Средней Азии, отметившие в качестве своей «национальности» одну из основных закавказских и среднеазиатских переписных категорий (армяне, грузины, азербайджанцы, езиды, киргизы, таджики, узбеки, уйгуры и проч.), а также «местные» — для сравнения.

Согласно расчетам, установки мигрантов второго поколения можно называть инклюзивными — в целом они находятся посередине между значениями «полностью не согласен» и «скорее не согласен» с таким высказыванием (точное значение — 0,56) (см. табл. 8, рис. 9, рис. 10). При этом среднеазиатские МВП характеризуются чуть более инклюзивными установками в сравнении с закавказскими МВП. Более того, их установки более инклюзивные, чем у местных — у последних среднее значение по этой шкале составляет 1,06, что соответствует варианту «в целом не согласен с высказыванием», однако это значение отстоит от значения у МВП на полградации шкалы. В какой мере, однако, эти установки реализуются в конкретных отношениях?

Таблица 8. Сравнение средних значений: согласие или несогласие с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности» закавказских МВП, среднеазиатских МВП и местных респондентов

	N	Среднее	Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Местные
Закавказские МВП	2159	,58		-,123*	,485***
Среднеазиатские МВП	359	,45	,123*		,608***
Местные	4222	1,06	-,485***	-,608***	
<hr/>					
МВП	2518	,56		-0,502***	
Местные	4222	1,06	0,502***		

Столбики ошибок: 95% дов. инт.

Рисунок 9. Сравнение средних значений: согласие или несогласие с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности» закавказских МВП, среднеазиатских МВП и местных респондентов

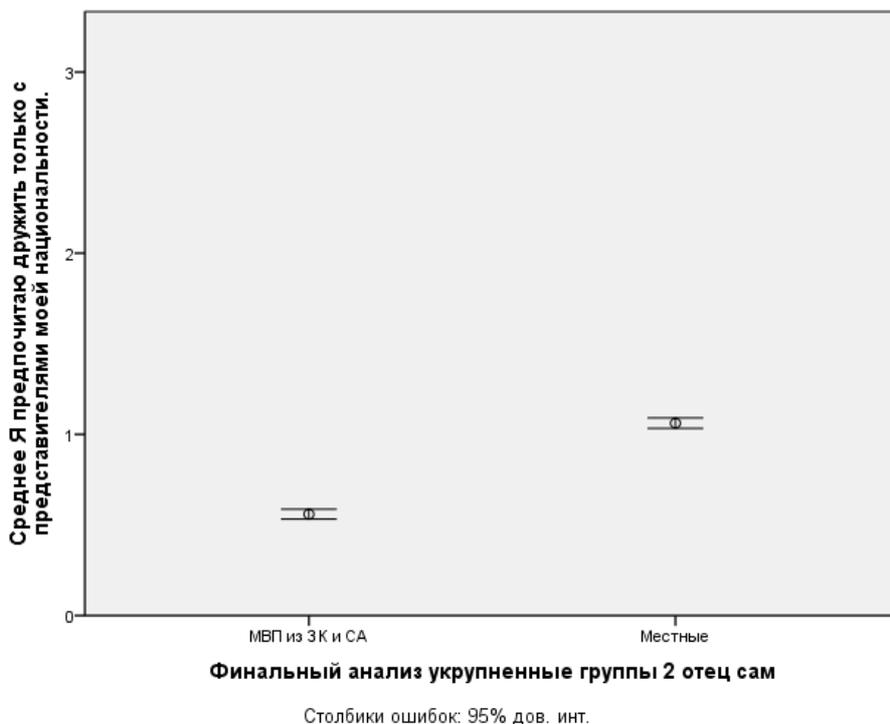

Рисунок 10. Сравнение средних значений: согласие или несогласие с высказыванием «Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности» мигрантов второго поколения и местных респондентов

В табл. 9 и на рис. 11 представлен приблизительный процент представителей той же этнической категории в различных кругах общения респондентов. Этот процент был получен следующим образом: значения шкалы, колеблющиеся от 0 до 3, были умножены на 33,3%. Все различия между местными и МВП статистически значимы. Различия между закавказскими и среднеазиатскими МВП значимы только в отношении кругов общения в школе, на учебе и в социальных сетях, а также в отношении соседей. Анализ демонстрирует, что, во-первых, местные значительно больше общаются с представителями «своей» этнической категории, более того, следует отметить, что в категорию «местные» включены как «русские», так и «нерусские», последние же зачастую проживают в национальных республиках, и в совокупности у «местных» вероятность, что случайным образом взятый человек в школе или на работе будет представителем «их» этнической категории, выше, чем у этнических МВП. Именно этим по большей части объясняется разрыв между местными и МВП в части кругов общения. Вместе с тем в разных кругах общения у МВП представители той же этнической категории представлены в разной степени. В частности, меньше всего представителей той же категории среди соседей, а больше всего — среди лучших друзей и друзей в социальных сетях. В последнем случае речь идет о поприщах, где МВП имеют больше возможностей для выбора,

из чего мы можем заключить, что имеет место так называемая инбридинговая гомофилия [McPherson, Smith-Lovin, Cook, 2001], то есть выбор партнеров в той или иной деятельности, основанный на сознательном или несознательном притяжении подобного, в результате чего представленность в личных сетях представителей «своей» категории будет выше, чем если бы взаимодействующие пары складывались случайным образом.

Таблица 9. Представители «своей» этнической категории в кругах общения закавказских МВП, среднеазиатских МВП, всех групп МВП и местных респондентов, %

	Круги общения в школе	Круги общения на работе	Круги общения на учебе	Круги общения соцсети	Круги общения друзья	Круги общения соседи
Закавказские МВП	26	23	30	43	41	15
Среднеазиатские МВП	20	27	21	40	39	11
Все МВП	25	24	29	43	41	15
Местные	75	73	70	69	76	71

% представителей той же категории в кругах общения

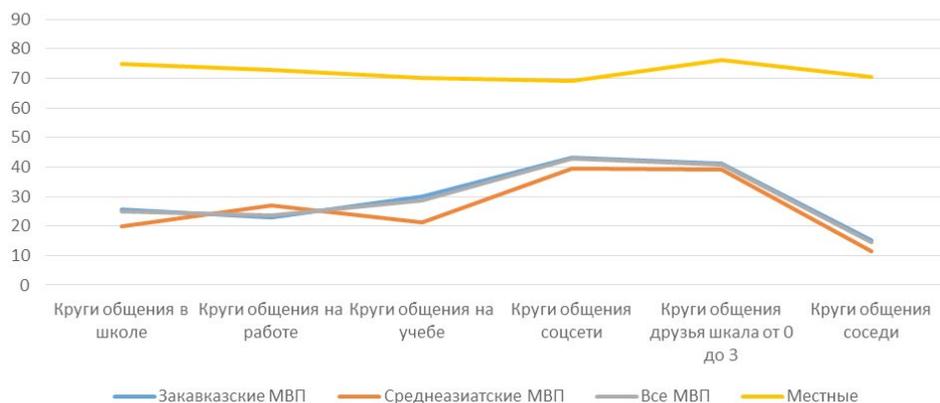

Рисунок 11. Представители «своей» этнической категории в кругах общения закавказских МВП, среднеазиатских МВП, всех групп МВП и местных респондентов

Можно проверить эту гипотезу и иным способом — проведя корреляционный анализ и посчитав связь между установками на дружбу с представителями «своей» группы и их представленностью в тех или иных кругах общения. Анализ демонстрирует, что там, где возможность выбора меньше (соседи), связь между переменными значительно слабее, чем там, где респондент может выбирать (друзья) (см. табл. 10).

Таблица 10. **Корреляционный анализ: связь между установками на дружбу с представителями «своей» группы и их представленностью в тех или иных кругах общения**

Круги общения	Я предпочитаю дружить только с представителями моей национальности.
В школе	,217***
На работе	,196***
На учебе	,210***
Соцсети	,288***
Друзья	,308***
Соседи	,088***

Остается, однако, вопрос, в какой степени, если возможность дружить с представителями той или иной категории структурно присутствует, МВП ей обязательно воспользуются. В анкете был вопрос о присутствии в классе представителей этнической категории информанта (см. табл. 11). Обязательно ли они дружили?

Анализ демонстрирует, что примерно 17 % респондентов (чуть больше у среднеазиатских МВП, чуть меньше у закавказских) даже в случае, если представители «своей» категории присутствовали в классе, не дружили с ними. Согласно качественным данным, такое положение вещей распространено, если респондент и его одноклассник разного пола, разной классовой или страновой принадлежности. Приехавший в Москву в девятом классе из Узбекистана У. (м., 21, узб., Москва) вырос в интеллигентной семье, отучился в Самарканде восемь лет в хорошей гимназии, первым языком считал русский, а вторым — самаркандский (называя так городской диалект, сложившийся на основе таджикского с заимствованиями), в Москве же попал в обычную районную школу; среди его одноклассников был кокандский сельский узбек, но с ним он предпочитал не дружить, не находя с ним ничего общего, а общался с русскими одноклассниками, которые, как и он, интересовались учебой. Два мигранта второго поколения узбекского происхождения — один из Узбекистана, второй из Киргизии (м., 21, узб., ХМАО), — учились в одном классе в одном из поселков ХМАО, но никогда не дружили, периодами же открыто конфликтовали — что объясняли, среди прочего, тем, что жившие в этом поселке узбеки из Киргизии и Узбекистана плохо относились друг к другу. Девушка азербайджанского происхождения (3, ж., 26 лет, азерб., Иркутская область), выросшая в Иркутске, училась вместе с азербайджанцем, но не могла с ним дружить из-за ограничений на общение девочек с противоположным полом:

Таблица 11. Распределение ответов на вопросы про друзей в школьном возрасте и одноклассников «своей» этнической категории по группам респондентов: закавказские МВП и среднеазиатские МВП

Группы				Дружил ли с представителями «своей» этнической категории в школе		% не друживших с представителями «своей» этнической категории в случае, если они были в классе	Итого
				Да	Нет		
Закавказские МВП	Учились ли с Вами в классе представители Вашей национальности?	Да	N	1201	249	17 %	1450
			%	48 %	10 %		58 %
	Нет	N	326	731	1057		
		%	13 %	29 %	42 %		
	Итого		N	1527	980		2507
			%	61 %	39 %		100,0 %
Среднеазиатские МВП	Учились ли с Вами в классе представители Вашей национальности?	Да	N	148	34	19 %	182
			%	33 %	8 %		41 %
	Нет	N	61	197	258		
		%	13 %	44 %	59 %		
	Итого		N	209	231		440
			%	47 %	52 %		100,0 %
Итого	Учились ли с Вами в классе представители Вашей национальности?	Да	N	1349	283	17 %	1632
			%	46 %	10 %		55 %
	Нет	N	387	928	1315		
		%	13 %	31 %	45 %		
	Итого		N	1736	1211		2947
			%	59 %	41 %		100,0 %

«Из азербайджанцев только я училась, получается, и один мальчик, причем тоже из Грузии. И... Ну, у нас нет такого, чтоб мы с мальчиками дружили. <...> У нас в детстве, помню, соседи тоже наши были, тоже с Грузии. И там мальчики были, и они звали своих мальчиков друзей, и собирались в общую компанию, в теннис играли, смотрели, угорали, хорошо общались. Когда уже постарше были, как-то было такое, я с дядей проходила, и они навстречу шли. Ну, я поздоровалась. Мне тогда было лет 14, где-то так. Я поздоровалась, друг детства, что не поздороваться. Меня дядя так отругал: «Ты что с мальчиками здороваешься?». Потом объяснил мне, что нельзя так, что с мальчиками у нас не дружат, даже не здороваются, на это плохо будут смотреть. Но сейчас я понимаю, да, среди взрослых... Но тогда для меня это очень дико было, это же друг детства, как это я не буду с ним здороваться. Но потом они тоже это поняли, видимо, им тоже сказали. Мы, когда друг друга видим, просто проходим, типа не замечаем».

Напротив, некоторые респонденты дружили в школе с представителями своей этнической категории, даже если их не было в классе. Механизмы складывания таких дружеских отношений можно проиллюстрировать следующим отрывком из интервью с Б. (м., 25, арм., Иркутская область):

Р: У меня с детства были друзья армяне, а потом в процессе становления превратился круг в более обширный, появилось много русских, бурятов, азербайджанцев. А с детства мы в основном общались армянским кругом. <...>

И: А ваш круг в школьное время?

Р: В школьное время это были друзья мои, это были армяне, сыновья друзей отца. То есть мы с ними подружились. Ну, там соседи мои. Вот, как Э. сказал, мы видели армянина — знакомились. Вот так же и у меня. Но одноклассников и однокурсников армян, у меня, к сожалению, не было. <...> Я сильно хотел, чтобы у меня были армяне, но в ни в школе, ни в институте. Вообще ни одного. Парадоксально, но так.

Таким образом, можно говорить, что круги общения мигрантов второго поколения отнюдь не являются этнически эксклюзивными, и в них в абсолютном большинстве случаев будут присутствовать представители прочих этнических категорий. В то же время среди МВП распространена установка на поддержание отношений с представителями «своей» категории, что будет проявляться в этнической принадлежности собеседников в социальных сетях и лучших друзей. Вместе с тем доля МВП, заявляющих, что все их лучшие друзья — представители «их» категории, невелика и составляет порядка 15 %. Кроме того, из качественного исследования известно, что существенная доля таких друзей, равно как и собеседников в социальных сетях, — это члены семьи, которые лишь во вторую очередь являются представителями той же этнической категории, с которой себя связывает респондент. В целом замкнутые этнические сообщества мигрантов второго поколения, даже несмотря на присутствующую среди некоторой их части установку на преимущественную дружбу с представителями «своей» категории, не складываются, и хотя моноэтнические дружеские круги имеют место, они «раскупориваются» посредством коммуникации на прочих поприщах, в которых МВП принимают участие на протяжении всей жизни — в школе, на работе и в районах проживания.

В какой степени в исследуемых группах присутствуют установки на моноэтнические браки и романтические отношения и в какой степени эти установки реализуются? Косвенным образом об установках можно судить по распределению ответов на вопрос о «национальности» гипотетического супруга дочери. Здесь и до конца пункта для расчетов группы выделены по месту рождения и национальности отца.

Согласно расчетам, различий в этой установке между среднеазиатскими МВП и местными нет, в то же время обе эти группы отличаются от закавказских МВП, среди которых полное или частичное согласие с соответствующим высказыванием присутствует более чем в половине случаев (см. табл. 13). Анализ средних (см. рис. 14) в том случае, если перекодировать значения переменной таким образом, что полное согласие с этим утверждением становится значением 3, а полное несогласие — значением 0, также указывает на большую распространенность этой позиции среди МВП из Закавказья. Вместе с тем согласие с этим утверждением как минимум частично может быть культурным кодом и актом идентифи-

кации со «своей» этнической категорией, а не руководством к действию в жизни. Например, выросший в азербайджанской семье в Тюмени холостой Н. (м., 26, азерб., Тюменская область) хотел бы жениться, но далее он сталкивается со следующей дилеммой. С одной стороны, он думает, что жениться надо на азербайджанке, и именно этого от него ждут все родственники, особенно из-за того, что он последний в их роду мужчина (он единственный сын в своей семье, а у остальных братьев его отца — только дочери), а с другой стороны, опыт ухаживания за девушками азербайджанского происхождения у него негативный, и в целом он хотел бы чего-то «особенного». В результате в силу возраста он начинает допускать, что женится на девушке другой «национальности». Другой информант объяснял, что жена той же «национальности» важна для того, чтобы сохранить «народ»: «У нас большая история, великие предки, вот как раввин говорит, что он передает своему ученику и он должен продолжить, да? Так же и я вижу так. В современном мире стираются грани национальной идентичности. С точки зрения христианства это неплохо, мы все равны, мы все должны быть людьми, но, допустим, я, для меня понятие народа, культ народа, грешно, чуть выше, чем религии» (У., м., 29 лет, арм., Тверская область). Однако в какой степени мигранты второго поколения вступают в супружеские и романтические отношения с представителями других категорий?

Таблица 13. Кросс-табуляция: Согласие или несогласие с высказыванием «Я выдам свою дочь замуж только за представителя моей национальности» по группам респондентов: закавказские МВП, среднеазиатские МВП, все группы МВП и местные

Я выдам свою дочь замуж только за представителя моей национальности		Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	Все МВП	Местные	Хи-квадрат
Полностью согласен	N	823	109	932	1290	119,775*** при сравнении отдельно по группам, 71,569*** при сравнении всех МВП и местных
	%	30,3%	19,8%	28,5%	21,5%	
Скорее согласен	N	670	107	777	1395	
	%	24,7%	19,5%	23,8%	23,2%	
Скорее НЕ согласен	N	760	197	957	1928	
	%	28,0%	35,8%	29,3%	32,1%	
Полностью НЕ согласен	N	465	137	602	1391	
	%	17,1%	24,9%	18,4%	23,2%	
Итого	N	2718	550	3268	6004	
	%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	

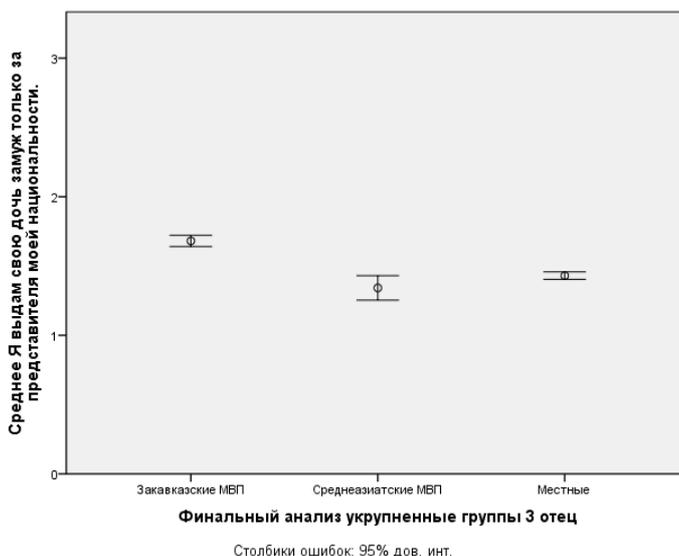

Рисунок 14. Сравнение средних: согласие или несогласие с высказыванием «Я выдам свою дочь замуж только за представителя моей национальности» по группам респондентов: закавказские МВП, среднеазиатские МВП, все группы МВП и местные

Согласно полученным данным, среднеазиатские МВП в выборе национальности супруга не отличаются от закавказских МВП, равно как и паттерны, связанные с этнической принадлежностью романтического партнера, у этих двух групп практически идентичны (см. табл. 14). Более того, гендерное распределение в части этнической принадлежности романтического партнера у этих групп также не различается — лишь у порядка трети мужчин романтические партнерши связаны с той же этнической категорией, что и сами респонденты, для женщин же в обеих группах эта доля составляет чуть менее двух третей. В ходе качественного этапа исследования информанты не раз отмечали, что представление о запретности для девушки выхода замуж за представителя «чужой» национальности усваивается с детства, в результате чего девушки нередко перестают даже воспринимать таких молодых людей в романтическом свете — как рассказала девушка, выросшая в азербайджанской семье в Новом Уренгое (ж., 26, азерб., ЯНАО): «Знаете, это уже заложено, что не отдадут. Нашим парням-то еще можно как-то, они на русских женятся... а у нас уже заложено, у девочек, что нельзя, запрет, все, поэтому даже и не смотрят, как-то всерьез не воспринимают никого. У меня точно так же, не воспринимаю никого, даже не смотрю в сторону. Даже если общаюсь — с тем же однокурсником [по словам информантки, он был русский и намекал на возможность встречаться] — это просто однокурсник, друг, все, больше ничего не может быть. Даже мыслей не бывает, чтобы другим взглядом на него посмотреть, такого не бывает».

Таблица 14. **Распределение ответов на вопрос об этнической категории супруга или партнера по группам респондентов: закавказские МВП, среднеазиатские МВП и местные**

	Закавказские МВП				Среднеазиатские МВП				Местные				Хи-квадрат
	м	ж	Все	N	м	ж	Все	N	м	ж	Все	N	
Супруг той же национальности	48%	63%	56%	551	65%	53%	58%	127	69%	72%	71%	2697	48,638***
Романтический партнер той же национальности	31%	63%	48%	730	34%	61%	46%	169	68%	63%	65%	1628	75,273***

Молодые люди из числа мигрантов второго поколения, согласно глубинным интервью, избегают романтических отношений с девушками «своей» этнической категории: например, О. (м., 23, азерб., ЯНАО), по его признанию, никогда не рассматривал их для «несерьезных отношений», поскольку «проблем не оберешься». Он говорил, что все в его городе всех знают, и такие новости мгновенно распространяются.

Таким образом, мигранты второго поколения хотя в целом и ценят личные отношения с представителями своей группы, редко замыкаются только на таких отношениях, и на учебе и на работе обязательно общаются с кем-то другим. Браки заключаются чаще с представителями той же этнической категории, и существенной разницы в гендерном разрезе не фиксируется, а романтические отношения сильно различаются у мужчин и у женщин; молодые люди чаще встречаются с девушками, связанными с прочими этническими категориями.

Культурная интеграция

Пункт о культурной интеграции призван ответить на вопросы о том, насколько мигранты второго поколения отличаются от местных в части культурных паттернов, а также в какой степени эти паттерны меняются со временем и в принципе имеют потенциал к изменению. Для ответов на эти вопросы, во-первых, проведен анализ различий между группами в ответах на вопросы о наиболее ярких культурных нормах — гендерных и брачных, во-вторых, показано, в какой степени эти нормы воспроизводятся через поколения, в-третьих, продемонстрировано, в какой степени те или иные нормативные паттерны связаны с продолжительностью жизни в России.

Культурная интеграция — это сложный нелинейный процесс, в рамках которого зачастую на мигрантов влияют паттерны разных культур. В типичном случае мигрантов второго поколения эти разные паттерны предстают в виде семейных норм и норм принимающего общества. Принимающее общество не абстрактно,

оно проявляется в ходе коммуникации МВП с соседями, одноклассниками, коллегами по работе и проч. С учетом того, что Россия — большая и многонациональная страна, опыт взаимодействия с «культурой принимающего общества» у МВП может существенно различаться в зависимости от контекста этого взаимодействия. Тем не менее в качественном исследовании в интервью воспроизводился образ «русской культуры», от которого МВП могли отталкиваться в самопозиционировании или просто констатировать определенные его паттерны. Элементы этого образа включают в себя, например, то, что в России женщины не умеют готовить (Г., ж., 20 лет, арм., Краснодарский край), в России «нет ориентации на семью» (Д., м., 30 лет, тадж., Тюменская область), русские на досуге «ходят в кальянную и пить» (Б., ж., 20 лет, азерб., Тюменская область).

Для данного анализа, однако, важнее объективные отличия от культурных паттернов, распространенных среди разнообразного немигрантского населения России. В связи с этим было принято решение сравнить как две группы — местных и МВП, — так и четыре группы — закавказских и среднеазиатских МВП, местных русских и местных нерусских, — при том, что последняя группа также крайне разнородна и в нее попали те, кто отметил, что их отец, например, поляк, аварец, еврей или татарин. Вместе с этим наша выборка (для категории «местные») в общих чертах воспроизводит национальный состав России: вслед за «русскими» в массиве располагаются татары, украинцы, башкиры и чуваша, и хотя национальный состав «местных нерусских» довольно пестрый, как и в России в целом, в нем преобладают представители кавказских и волжских национальных категорий. На основании всего этого вопрос о схожести культурных паттернов следует сформулировать несколько точнее: в какой степени МВП отличаются от местных — в целом, а также отдельно русских и нерусских.

В отношении гендерных норм можно утверждать, что единственная значимая разница зафиксирована между «местными русскими» и прочими группами, в том числе как среднеазиатскими, так и закавказскими мигрантами второго поколения, при этом две последние группы по большинству вопросов не отличаются от «местных нерусских» (см. табл. 15, рис. 15, рис. 17). Эти три группы более консервативны и чаще соглашались с тем, что если муж зарабатывает меньше жены, для него это позор, а также реже соглашались с тем, что для женщины важно реализовать себя в профессии. Единственное высказывание, в распределении реакций на которое есть разрыв между «этническими» группами — это высказывание «если в семье достаточно денег, женщине не нужно работать». С этим существенно чаще прочих групп соглашались среднеазиатские МВП, у закавказских же МВП, а также местных нерусских, хотя и есть отличие от местных русских, но меньшее, чем отличие каждой из этих групп от среднеазиатских МВП. В то же время следует отметить, что местные русские в сравнении с прочими группами менее консервативны, но назвать среднее значение по этой группе «либеральным» довольно сложно: например, согласных с высказыванием, согласно которому в семье все решения должен принимать муж, среди местных русских примерно столько же, сколько несогласных. Анализ различий между МВП и местными в целом позволяет говорить, что МВП чуть консервативнее местных, однако этот разрыв невелик (см. рис. 16, рис. 18).

Таблица 15. Средние значения ответов на гендерные вопросы и вопросы о брачных практиках закавказских МВП, среднеазиатских МВП, всех групп МВП, местных русских, местных нерусских и всех групп местных респондентов

	Если денег в семье достаточно, женщине не нужно работать*	Для женщины важно реализовать себя в профессии	Если муж зарабатывает меньше жены, это позор для него	В семье все решения должен принимать муж	Виньетка — возвращаться ли жене на работу после декретного отпуска**	До свадьбы мы ни разу не целовались	Решение о нашей свадьбе было принято за нас нашими родителями	На нашей свадьбе были мои родственники, которых я никогда не видел(а)	Мы познакомились в интернете (в соцсетях, на сайтах знакомств и проч.)
Закавказские МВП	1,59	2,11	1,23	1,68	,45	,20	,10	,25	,33
Среднеазиатские МВП	1,81	2,15	1,27	1,65	,50	,18	,17	,31	,31
Местные русские	1,48	2,01	1,04	1,42	,35	,08	,10	,15	,29
Местные нерусские	1,59	2,07	1,30	1,67	,42	,17	,19	,29	,39
Все МВП	1,63	2,12	1,24	1,67	,46	,20	,11	,26	,32
Все местные	1,50	2,02	1,09	1,47	,37	,10	,12	,18	,31

* Для первых четырех вопросов шкала средних варьируется от 0 (полное несогласие с высказыванием) до 3 (полное согласие с высказыванием), при этом шкала для вопроса 2 (реализация в профессии) является перевернутой. Шкала для остальных пяти вопросов — от 0 (несогласие с высказыванием) до 1 (согласие с высказыванием).

** Формулировка вопроса: «Представьте себе ситуацию. Ваши друзья поженились, у них родился ребенок. Они думают, должна ли жена уйти с работы и, пока дети не вырастут, заниматься только домом и детьми, или после декретного отпуска она может выйти на работу. Как Вы считаете, как им следует поступить?

1. Пусть жена уйдет с работы и, пока дети не вырастут, занимается только домом и детьми.
2. Пусть жена после декретного отпуска выйдет на работу.

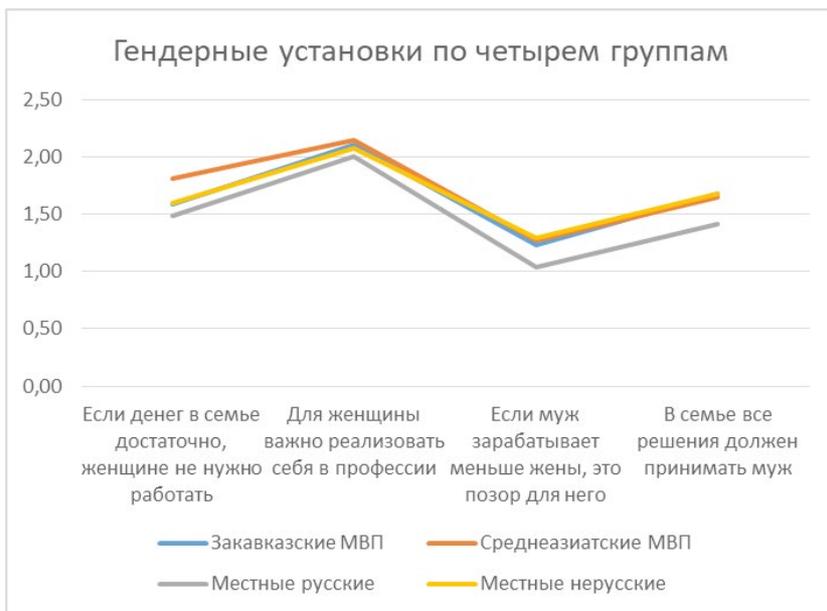

Рисунок 15. Гендерные установки закавказских МВП, среднеазиатских МВП, местных русских и местных нерусских респондентов

Рисунок 16. Гендерные установки МВП и местных респондентов

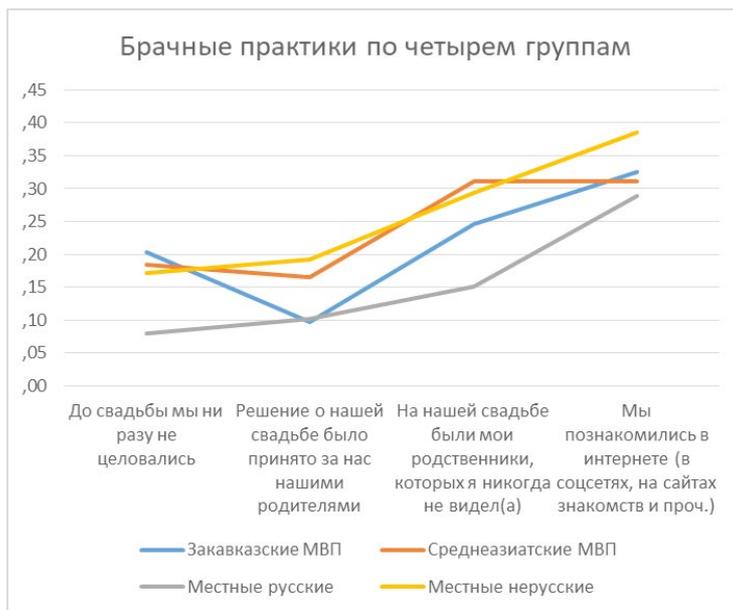

Рисунок 17. Брачные практики закавказских МВП, среднеазиатских МВП, местных русских и местных нерусских респондентов

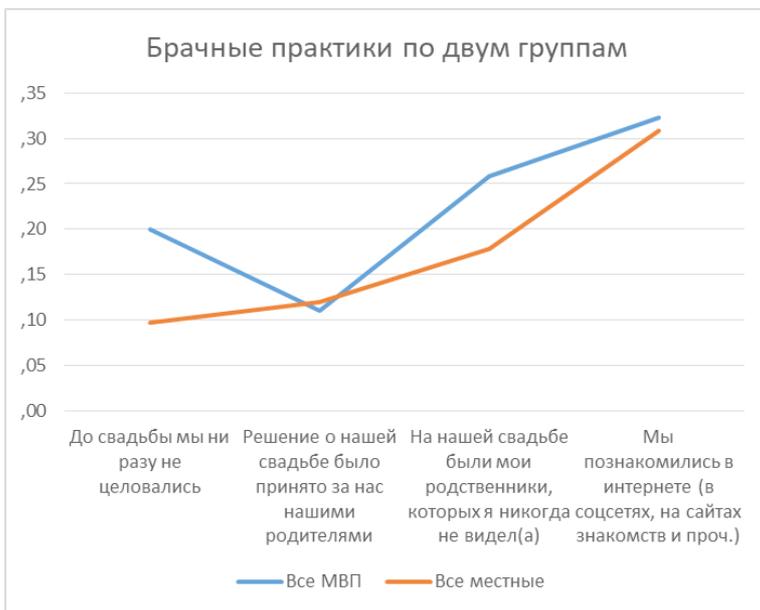

Рисунок 18. Брачные практики МВП и местных респондентов

Интересные паттерны выявил анализ вопросов о браке, которые задавались только женатым и замужним респондентам. В целом тенденция сохраняется, и МВП более консервативны, чем местные; местные русские по большинству вопросов отличаются от прочих групп, а местные нерусские скорее похожи на МВП из Закавказья и Средней Азии, чем на местных русских. Вместе с тем есть ряд тенденций, за которыми могут скрываться новые культурные модели, складывающиеся в ходе культурной интеграции. В частности, если не целовались до свадьбы 15%—20% «нерусских» респондентов (МВП и местных), и около 8% местных русских, в части того, кем принималось решение о свадьбе — молодоженами или их родителями — значение закавказских МВП идентично значению местных русских и составляет 10%, при этом обе эти группы «проигрывают» среднеазиатским МВП (16%) и местным нерусским (19%). Среднеазиатские МВП также больше похожи на местных нерусских, чем на закавказских МВП в распределении ответов на вопрос о том, были ли на их свадьбе родственники, которых они не знали. Косвенным индикатором консервативности (впрочем, не только ее), кроме того, может служить распространенность практики знакомств в интернете — консервативные среды стимулируют такие знакомства. По этому критерию МВП не отличаются ни от местных русских, ни от местных нерусских, а вот различия между этими двумя группами, напротив, значимы, и местные нерусские превосходят местных русских по этому критерию.

Что стоит за этими ответами? Как происходят знакомства в интернете, как заключаются браки без каких-либо интимных контактов жениха и невесты до свадьбы среди мигрантов второго поколения? Установка на то, что все интимные контакты, включая поцелуи, должны происходить только после свадьбы, связана с необходимостью абсолютной чистоты девушки, поскольку репутация девушки напрямую отражается на репутации ее жениха. В ходе групповой дискуссии молодые люди азербайджанского происхождения, выросшие в Москве, обсуждали, почему они до сих пор не женаты — хотя им уже больше 25 лет, и объясняли это большим риском встретить девушку-азербайджанку, собраться на ней жениться, но узнать, что она с кем-то ходила в кино и целовалась. П. (м., 23, арм., Краснодарский край) рассказывал про шутки своих двоюродных братьев, которые задают друг другу «сложные вопросы»: *«ты ее целуешь, а ты уверен, что она нецелованная? А если миллион дам, возьмешь в жены недевственницу?»* В рамках этой консервативной модели девушка, кроме того, не должна проявлять инициативу и показывать, что ей понравился молодой человек. Более того, в консервативных семьях девушки в принципе ограничены в возможностях знакомиться и общаться с противоположным полом, и социальные сети в этом смысле становятся пространством свободы, хотя и относительной. В ходе интервью с двумя девушками, выросшими в азербайджанских семьях в Тюменской области, а также в ходе групповой дискуссии с девушками армянского происхождения в Сочи, обсуждалась возможность познакомиться с молодым человеком — так, чтобы соблюсти все приличия, но при этом пообщаться с ним без строгого присмотра взрослых. Одни признавали, что социальные сети — это один из немногих вариантов, а другие этот вариант отменяли, впрочем, взамен они ничего предложить не могли, кроме разве что вмешательства сверхъестественных сил. При этом знакомство в соци-

альных сетях тоже предполагает определенный набор правил — как рассказала информантка, выросшая в ХМАО в талышской семье (ж., 16, азерб., Тюменская область), если понравился парень — то нельзя его добавлять в социальных сетях, и нельзя быстро одобрять его запрос на дружбу; необходимо подождать, пока он поставит некоторое количество «лайков», «лайкнуть» в ответ — и только после этого можно добавлять друг друга в друзья. Таким образом, социальные сети — это пространство, поведение в котором тоже регламентируется, но оставляет возможность для знакомства и общения в ситуации, когда остальные способы знакомств недоступны или сильно ограничены.

В какой степени происходит межпоколенческий дрейф ценностей? Для ответа на этот вопрос на основании переменных, описывающих гендерные установки родителей и детей, были созданы две переменные — гендерные установки родителей и гендерные установки детей, — каждая из которых имела три позиции: консервативные, нейтральные и либеральные. Далее была осуществлена кросс-табуляция по родителям и респондентам, а также создана новая переменная, оценивающая межпоколенческую динамику «шагами» (см. табл. 16). В частности, если респондент воспитывался в консервативной семье, а сейчас исповедует либеральные взгляды, его грация — это «сделал два «либеральных» шага». По аналогии было созданы прочие грации.

Таблица 16. Кросс-табуляция ответов родителей респондентов и респондентов на гендерные вопросы

Родители и респондент в гендерных вопросах			Респондент в гендерных вопросах			Итого
			Консервативный	Нейтральный	Либеральный	
Родители респондента в гендерных вопросах	Консервативные	N	447	696	351	1494
		%	13,5%	21,0%	10,6%	45,0%
	Нейтральные	N	288	550	445	1283
		%	8,7%	16,6%	13,4%	38,7%
	Либеральные	N	61	194	287	542
		%	1,8%	5,8%	8,6%	16,3%
Итого		N	796	1440	1083	3319
		%	24,0%	43,4%	32,6%	100,0%

Большинство мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии выросли в консервативных семьях (45 %). В чем выражается консерватизм? Один из наиболее ярких примеров консервативной семьи — семья Л. (ж., 19, арм., Москва):

Р: Родные у меня два брата. Одному брату двадцать три года, и второму четыре.

И: Девочек нет?

Р: Нет.

И: Поэтому на Вас такое пристальное внимание?

Р: Да. И со стороны брата, и со стороны отца.

И: Кто более жесткий?

Р: Жесткий? Более строгий отец, более жесткий брат. Объясню разницу. Отец может спокойно сказать: «Нет, ты туда не пойдешь». Я не буду спорить, это нормально. А брат докапывается до всего. Допустим, я надену какое-то платье облегающее. Когда мы пойдем гулять, он до этого платья докопается. А отец сразу скажет «снимай», спокойно.

И: У вас нет облегающих платьев, да, в гардеробе?

Р: Одно есть.

И: Как вы одежду выбираете, с мамой?

Р: Нет, сама. Сама уже себе не позволяю носить то, что, я знаю, будет вульгарно выглядеть, не понравится отцу, не понравится брату, я не смогу в этом, допустим, в ресторане станцевать. А на каждый день главное, чтобы одежда закрытая была.

И: Топик какой-нибудь, майка?

Р: Чтобы ничего не было видно. Рукава — нет, без проблем. Юбки до колена. Выше колена шорты можно. Удивительно, но отец разрешает мне носить шорты, даже короткие.

И: Надо пользоваться!

Р: Но сейчас мне уже самой некомфортно, выросла.

И: Но лет в четырнадцать?

Р: Да. Купальники — я не особо купаюсь, чтобы их носить. Допустим, в деревне если мы ходили в озере купаться, то топик, шорты обязательно тоже. Там были парни, которые заглядываются, и это очень плохо. Здесь я не хожу в бассейн. Не умею плавать. Купальник есть, но я его не ношу, некуда его носить.

И: То есть если вечеринка в бассейне с девочками, только тогда?

Р: Вечеринка?

И: Ну, условно. Типа сауны, бассейна?

Р: Туда мне тоже нельзя. Недавно был день рождения моей подруги, там была вся ее семья, это ресторан был. Человек сто там было. Там были все наши друзья, парни, девочки. Отец с большим трудом мне разрешил. Были слезы, скандалы, но все-таки он разрешил. Все обошлось спокойно.

Сами мигранты второго поколения, однако, придерживаются консервативных взглядов реже родителей — только в 24 % случаев; нейтральная и либеральная гендерные позиции в этих вопросах среди них распространены в большей степени (см. табл. 17). Наиболее частотный шаг — это шаг от консервативной позиции семьи к личной нейтральной позиции (21 % случаев), реже всего осуществляется переход от либеральной позиции родителей к личной нейтральной позиции. Примерно в 40 % случаев сохраняется status quo. Кто, однако, с большей вероят-

ностью, социализировавшись в консервативной семье, не будет придерживаться консервативных позиций: среднеазиатские или закавказские МВП? Согласно вычислениям, родившиеся в консервативных семьях закавказские МВП остаются консерваторами только в 29 % случаев, а среднеазиатские — в 34 %. Более того, закавказские МВП из таких семей чаще встают на выраженные либеральные позиции: в 24 % случаев против 17 % у среднеазиатских МВП. Такие переходы, в рамках которых дети «либеральнее» родителей часто сопровождаются конфликтами: «Для них [родителей] план жизни расписан — это окончить универ, жениться (причем только на своей), что я, конечно же, делать не буду, завести как можно скорее детей и все, а я как бы этого не хочу лет до 35, допустим. И часто возникают ссоры. У меня есть свои планы на жизнь и цели» (К., м., 20 лет, азерб., Тюменская область). Важно отметить, что нормативные конфликты происходят и тогда, когда по части вопросов родители и дети сходятся. Например, по поводу внешнего вида постоянно конфликтует с родителями Р. (ж., 25, азерб., Тюменская область), она наперекор родителям красит волосы в красный цвет и бреет виски, спорит с родителями по поводу возможности самостоятельно принимать решения, пугает их тем, что она атеистка, но с женихом откладывает сексуальные отношения до свадьбы, хотя родителям сразу сказала, что после первой брачной ночи проверять простыню на предмет наличия крови не даст. Кроме того, как видно из таблицы, редко, но встречаются ситуации, когда родители придерживаются более либеральных взглядов, чем их дети: например, в семье армян, переехавших в Москву, дочь, выросшая уже в России, считает, что ее мама одевается не так, как положено скромной армянской женщине, и иногда просит ее надеть более закрытую одежду (Б., ж., 23 года, арм., Москва).

Таблица 17. **Гендерные установки респондентов по группам мигрантов второго поколения: закавказские МВП и среднеазиатские МВП**

Дети консервативных родителей в гендерных вопросах		Респондент в гендерных вопросах		
		Консервативный	Нейтральный	Либеральный
Закавказские МВП	N	383	606	319
	%	29,3%	46,3%	24,4%
Среднеазиатские МВП	N	64	65	32
	%	34,4%	48,4%	17,2%

Важно отметить, что есть существенные гендерные различия в части динамики позиции по гендерным вопросам (см. табл. 18). Так, мужчины гораздо чаще остаются на позициях родителей или делают шаги в сторону более консервативной позиции, женщины наоборот — более чем в 50 % случаев (против 32 % у мужчин) оказываются более либеральных взглядов, чем их родители.

Таблица 18. Межпоколенческая динамика в гендерных вопросах по полу

Межпоколенческая динамика в гендерных вопросах		Мужской пол	Женский пол	Итого
Сделал два консервативных шага	N	30	31	61
	%	2,3%	1,5%	1,8%
Сделал один консервативный шаг	N	278	204	482
	%	21,5%	10,1%	14,5%
Остался на тех же позициях	N	572	712	1284
	%	44,1%	35,2%	38,7%
Сделал один либеральный шаг	N	364	777	1141
	%	28,1%	38,4%	34,4%
Сделал два либеральных шага	N	52	299	351
	%	4,0%	14,8%	10,6%
Итого	N	1296	2023	3319
	%	100,0%	100,0%	100,0%

Таким образом, консервативная позиция, которой характеризуются родители МВП, далеко не всегда воспроизводится в поколении детей, и ценностные изменения через поколение происходят.

Однако в какой степени гендерные установки различаются в зависимости от того, родился мигрант в России или нет, и если нет, от возраста, когда он был перевезен, то есть от поколения в миграции в узком смысле? Согласно устоявшейся терминологии, вторым поколением в узком смысле называются те, кто родился в стране, куда переехали его родители; 1,75 — это те, кто переехал в принимающую страну, будучи дошкольником; 1,5 — это те, кто оказался в принимающем обществе в возрасте 7—13 лет; а 1,25 — это те, кто приехал после этого, но до совершеннолетия [Rumbaut, 1997]. Кроссекционный анализ является грубым способом измерения динамики установок со временем, однако позволяет сделать обоснованное предположение о явлении (см. табл. 19). Согласно анализу, не зафиксировано различий между гендерными установками поколений 2, 1,75 и 1,5, в то же время респонденты из поколения 1,25 отличаются от всех прочих респондентов и разделяют более консервативные позиции. Таким образом, можно предположить, что ценностный дрейф происходит с большей вероятностью в случае, если переезд произошел до 14 лет. Качественные данные позволяют проиллюстрировать такой переход внутри одной семьи. В семье Д. (ж., 23, тадж., Тюменская область) помимо нее есть еще две сестры, одна из них младше на два года, другая — на девять лет; в России Д. пошла в седьмой класс, а ее средняя се-

стра — в пятый. Информантка отмечает отличия себя от сестры: сестра с большей легкостью надевает короткую и открытую одежду и вышла замуж не за таджика, а за чуваша, с которым познакомилась на работе.

Таблица 19. **Кросс-табуляция: гендерные установки респондентов по поколениям мигрантов**

Гендерные установки респондента		Поколение				Хи-квадрат
		2	1,75	1,5	1,25	
Консервативная	N	469	187	115	20	9,462
	%	24,1%	23,8%	22,7%	27,8%	
Нейтральная	N	842	339	217	40	
	%	43,3%	43,1%	42,9%	55,6%	
Либеральная	N	633	261	174	12	
	%	32,6%	33,2%	34,4%	16,7%	
Итого	N	1944	787	506	72	
	%	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%	

Мигранты второго поколения действительно несколько отличаются в части гендерных и брачных норм от местных, однако местные (в том числе «русские») в этом отношении далеко не «либералы», и разрыв между МВП и местными, небольшой. Кроме того, некоторые паттерны МВП из Закавказья больше близки местным «русским», чем МВП из Средней Азии, а последние, в свою очередь, в некоторых аспектах идентичны в своей позиции местным «нерусским», по части вопросов демонстрирующим наиболее консервативные позиции. Вместе с тем МВП уже зачастую совершили большой шаг в сторону более либеральных установок в сравнении с их родителями. Происходит. Объектом межпоколенческого ценностного перехода, однако, в меньшей степени, становится так называемое поколение 1,25, то есть люди, приехавшие в Россию в возрасте от 14 до 18 лет.

Идентификационная интеграция

Ключевой вопрос данного раздела — идентификация мигрантов второго поколения с Россией и их «лояльность» стране. Мигранты второго поколения, как правило, транснациональны, то есть за счет разных практик связаны одновременно с Россией и страной происхождения родителей, и в связи с этим возникает вопрос об эксклюзивности или инклюзивности их национальных и государственных идентичностей. Важно в свете этого понимать, в какой степени транснациональное поведение или сильная этническая идентичность «мешает» эмоциональной связи МВП с Россией. Следует отметить, что качественное исследование позволяет говорить о разбросе указанного признака. Хорошим его индикатором является поддержка той или иной спортивной команды на крупных соревнованиях. Некоторым информантам задавался вопрос, кого они поддерживают на Олимпийских играх,

и ответы варьировались. В частности, Б. (м., 22, арм., Москва), родившийся и выросший в Москве в семье азербайджанских армян, поддерживает прежде всего Армению, а уже затем Россию, а В. (ж., 22, азерб., ХМАО) болеет в первую очередь за Россию, а «по остаточному принципу» за Азербайджан. В какой степени среди МВП представлены двойные лояльности и насколько они эксклюзивны?

Респондентам был задан вопрос, где они чувствуют себя своими, с вариантами ответов «в России», «в стране происхождения родителей», «в обеих странах», «ни в одной из стран» (см. табл. 20). Анализ распределений показал, что абсолютное большинство «голосов» (около 80 %) примерно поровну распределилось между первым и вторым вариантами ответов, 10 % чувствуют себя своими только в стране происхождения родителей, а еще порядка 8 % ощущают себя маргиналами и не чувствуют себя своими ни в России, ни в стране происхождения родителей. Эти цифры характеризуют МВП как из Закавказья, так и из Средней Азии, и разницы между этими группами не зафиксировано.

Таблица 20. **Кросс-табуляция: ответы на вопрос «Где Вы в большей мере чувствуете себя своим?» по группам мигрантов второго поколения: закавказские МВП и среднеазиатские МВП**

Чувствует себя своим		Группа респондентов		Итого
		Закавказские МВП	Среднеазиатские МВП	
В России	N	1222	264	1486
	%	41,9%	42,1%	41,9%
В стране происхождения родителей (одного из родителей)	N	310	64	374
	%	10,6%	10,2%	10,6%
В обеих странах	N	1167	242	1409
	%	40,0%	38,6%	39,8%
Ни в одной из стран	N	217	57	274
	%	7,4%	9,1%	7,7%
Итого	N	2916	627	3543
	%	100,0%	100,0%	100,0%

Респондентам было задано и несколько других вопросов об идентификации. В частности, предлагалось согласиться или не согласиться с высказываниями «Во мне есть многое как от русской культуры, так и от культуры страны, где родились мои родители», «В России меня никогда не будут считать своим», а также «Для меня важно, что я [ответ респондента на открытый вопрос о его национальности] по национальности» (см. рис. 19).

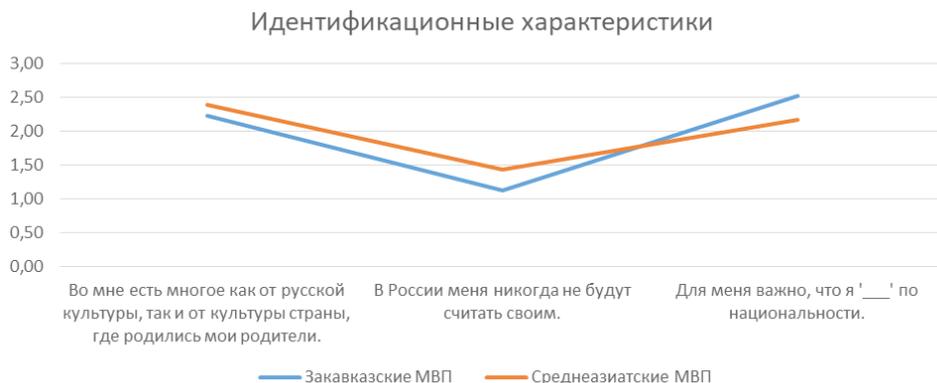

Рисунок 19. Ответы на вопросы об идентификации по группам мигрантов второго поколения: закавказские МВП и среднеазиатские МВП

Анализ распределений на эти вопросы показал, что респонденты в целом соглашались с тем, что они впитали в себя две культуры, однако ощущение, что в России их не считают своими, присутствует, при этом касается это в большей степени МВП из Средней Азии. Степень же идентификации с категорией, которую они указали в качестве своей «национальности», у них также высока, и выше она у закавказских МВП. Таким образом, большая часть МВП считают Россию своей страной. Вполне характерен случай Б. (м., 20, арм., Москва), который особенно не рассуждает об этом на постоянной основе, однако когда интервьюер попросил его ответить на соответствующий вопрос, ответил однозначно: «Родина моя Россия получается, я же здесь родился». Характерен также случай В. (ж., 23, арм., Москва), которая говорит о наличии у нее двух родин одновременно:

И: А где твоя родина?

Р: У меня их, мне кажется, две. Потому что я очень благодарна России за эту всю возможность, то, что мои сюда переехали и смогли нас вырастить, дать нам все, все, что мы с сестрой хотели. Ну, а как я могу назвать своей родиной Россию, как бы... да, если я армянка. Я, получается, и там своя, и тут своя. Ну, или, и там чужая, и тут чужая.

Есть ли негативная связь между транснациональным поведением и этнической идентификацией, с одной стороны, и идентификацией с Россией, с другой?

Как можно судить из табл. 21, среди МВП в значительной мере распространено транснациональное поведение. В школьное время каждое лето в страну происхождения родителей ездила треть опрошенных, а еще чуть больше трети были там более одного раза. В то время как дети немигрантов отправлялись в деревню или в оздоровительный лагерь, мигранты второго поколения отдыхали у родственников в Закавказье или Средней Азии. Например, семья Д. (ж., 18, азерб., Тюменская область) каждое лето проводила в деревне недалеко от Гянджи, а И. (ж., 23, узб., Москва) родители отправляли к родственникам в Андижан, сами при этом оставались в России. Кроме того, нередко случалось, что МВП проводили в стране происхождения и более продолжительное время. Например, П. (м., 21, узб., Омская область) родился и пошел в школу в России, затем, после развода

родителей, с четвертого по седьмой класс жил в Киргизии, после чего вернулся в Россию. Кроме того, за последние пять лет как минимум три раза в стране происхождения был 31 % опрошенных МВП. Это в целом меньше, чем в школьные годы, что сообразуется с результатами анализа качественных данных, согласно которому интенсивность поездок в страну происхождения родителей по окончании школы снижается, однако тоже указывает на интенсивность транснационального поведения.

Таблица 21. Кросс-табуляции: ответы на вопросы «Ездили ли Вы в страну происхождения родителей (одного из родителей) в школьные годы?» и «А сколько раз за последние пять лет Вы были в стране происхождения родителей (одного из родителей)?» по ответам на вопрос «Чувствуете ли себя своим в России?»

	Ездили ли Вы в страну происхождения родителей (одного из родителей) в школьные годы?	Чувствует ли себя своим в России		Итого	Хи-квадрат	А сколько раз за последние пять лет Вы были в стране происхождения родителей (одного из родителей)?	Чувствует ли себя своим в России		Итого	Хи-квадрат
		Нет	Да				Нет	Да		
N	Да, каждое лето	255	931	1186	20,662***	Более пяти раз	103	287	390	47,126***
%		39%	32%	33%			16%	10%	11%	
N	Да, был несколько раз	232	1014	1246	20,662***	Три-пять раз	151	569	720	47,126***
%		36%	35%	35%			23%	20%	20%	
N	Да, был один раз	71	363	434	20,662***	Один-два раза	270	1142	1412	47,126***
%		11%	12%	12%			42%	39%	40%	
N	Нет, не был	90	587	677	20,662***	Ни разу	124	897	1021	47,126***
%		14%	20%	19%			19%	31%	29%	
N	Итого	648	2895	3543	20,662***	Итого	648	2895	3543	47,126***
%		100,0%	100,0%	100,0%			100,0%	100,0%	100,0%	

Согласно данным (см. табл. 22), связь между транснациональным поведением и ощущением себя своим в России присутствует — существенная часть тех, кто чувствует себя своим в России, в страну происхождения родителей ни в школьные годы, ни в последние пять лет не ездили, и эти цифры больше, чем среди тех, кто в России себя своим не чувствует. Одновременно с этим, если вернуться к соотношениям, видно, что среди тех, кто чувствует себя своим в России, интенсивно практиковали транснациональное поведение 67 % опрошенных, а из тех, кто хотя бы раз был в стране происхождения за последние пять лет, таковых 69 %.

Поэтому можно говорить, что связь между транснационализмом и ощущением себя своим в России если и есть, то слабая, и вполне возможно ездить в страну происхождения и ощущать себя своим в России, что и делает подавляющее большинство респондентов. Например, Н. (ж., 22, тадж., Москва) росла в Москве в семье мигрантов из Таджикистана, в которой считалось, что скоро они вернуться. В гости же в Худжанд — родной город родителей — Н. ездила регулярно. Приезжая туда, однако, она чувствовала себя чужой, а в Москве наоборот — своей. Другой пример отсутствия противоречия между российской идентичностью и транснационализмом — О. (ж., 17, кирг., Москва), которая каждый год ездит с семьей в Джалал-Абад, при этом считает Россию своей родиной.

Сходная ситуация — со связью между силой этнической идентификации и ощущением себя своим в России. Есть слабая связь между этими переменными ($r=0,058$, $p=0,001$), однако кросс-табуляция показывает, что среди тех, кто чувствует себя своим в России, очень ценят свою национальность 53% опрошенных против 62% среди тех, у кого с Россией «не сложилось» (см. табл. 22), и можно говорить о том, что сильная этническая идентичность и ощущение себя дома в России, вполне сочетаемы.

И: А как Вы себя чувствуете, армянином?

Р: Я полностью армянин, армянин, но россиянин. То есть в голове я армянин, просто очень дружелюбно отношусь ко всем народам, и к русским и ко всем, ко всем, но воспитание у меня более армянское получилось (м., 21, арм., Москва).

Таблица 22. Кросс-табуляция: согласие или несогласие с высказыванием «Для меня важно, что я ... по национальности» по ответам на вопрос «Чувствуете ли себя своим в России?»

Для меня важно, что я ... по национальности		Чувствует ли себя своим в России		Итого	Chi-квадрат
		Нет	Да		
Полностью согласен	N	350	1327	1677	16,840***
	%	62,8%	53,4%	55,1%	
Скорее согласен	N	130	755	885	
	%	23,3%	30,4%	29,1%	
Скорее не согласен	N	59	306	365	
	%	10,6%	12,3%	12,0%	
Полностью не согласен	N	18	98	116	
	%	3,2%	3,9%	3,8%	
Итого	N	557	2486	3043	
	%	100,0%	100,0%	100,0%	

Более того, как минимум у части МВП идентичность является объектом рефлексии, и результатом этой рефлексии могут быть достаточно сложные лексические конструкции. Открытый вопрос в опросе позволял выявить такие идентичности: «армянка с русским сердцем», «армяноукраинка», «армянский сын русского наро-

да», «черный русский» (азербайджанец), «по крови киргиз, в душе русский». Среди прочих идентичностей, кроме того, распространена категория «мусульманин/мусульманка».

МВП в большинстве случаев чувствуют себя своими в России, однако страна происхождения родителей, равно как и собственная этническая принадлежность, для них также значат много, и в целом эти лояльности не конфликтуют ни в восприятии самих МВП, ни в их установках и поведении.

Заключение

Результаты исследования показывают, что мигранты второго поколения из Закавказья и Средней Азии в целом успешнее местных в части образования, при этом если закавказские МВП существенно превосходят местных, то среднеазиатские МВП, которых в соответствующем возрасте в России меньше, «проигрывают» по этому критерию всем остальным, включая местных. На уровне доходов эти различия, однако, не сказываются — для всей страны он одинаков, при этом в столичных и нестоличных регионах, взятых отдельно, отличия есть. В кругах общения мигрантов второго поколения, как правило, присутствуют представители «своей» этнической категории, однако замкнутые группы такого рода в этой среде складываются редко, и в основном мигранты второго поколения общаются с представителями прочих этнических категорий. Женятся мигранты второго поколения на представителях своей этнической категории чаще, чем на представителях прочих категорий, а вот романтические отношения с последними происходят чаще, однако есть существенные различия по полу: молодые люди встречаются с представительницами других категорий в два раза чаще девушек. Гендерные установки у мигрантов второго поколения в целом отличаются от гендерных установок местных в консервативную сторону, но отличие это не очень большое, не в последнюю очередь в связи с тем, что Россия по большей части достаточно консервативная страна. Одновременно с этим мигранты второго поколения значительно «либеральнее» в этих вопросах, чем их родители. Идентичностные характеристики у мигрантов второго поколения инклюзивные: чаще всего они привязаны как к России и своему региону в ней, так и к стране происхождения родителей, а также для них важна принадлежность к их этнической категории. Все эти идентичности успешно сосуществуют в головах мигрантов второго поколения и не конфликтуют.

Таким образом, можно говорить об успешной интеграции, более того, как показывает изучение случаев интеграции мигрантов второго поколения в разных странах, российская ситуация является одной из наиболее успешных в мире. Интеграционные траектории МВП тесно связаны с характеристиками человеческого капитала их родителей и с особенностями расселения мигрантов в принимающей стране. В России оба фактора благоприятствуют интеграции МВП: во-первых, семьи мигрантов живут дисперсно, и говорить о моноэтнических районах с компактным проживанием мигрантов не приходится. Во-вторых, несмотря на то что в России не действует балльная система отбора мигрантов, как в Канаде и Австралии, большинство родителей МВП имеют как минимум среднее образование и часто владеют собственным бизнесом, размер которого, прав-

да, может сильно варьироваться. В-третьих, в силу того, что все родители МВП из Закавказья и Средней Азии в России выросли в СССР, они хорошо знакомы с институтами принимающего общества, которые за 30 лет слабо изменились в силу институционального эффекта колеи (path-dependence), они неплохо или свободно владеют русским языком, а кроме того, в части некоторых ценностей и установок (например, ценности высшего образования) отличаются от местных зачастую лишь незначительно.

Если оценивать по отдельным аспектам интеграции, в части структурной интеграции ситуация МВП в России также одна из наиболее благополучных. В Бельгии и во Франции, например, показатели МВП в плане образования и положения на рынке труда существенно отличаются в худшую сторону от соответствующих показателей у местных. Сопоставима же российская ситуация с ситуацией в Канаде и Австралии, странах, где действует балльная система отбора мигрантов. В части социальной интеграции Россия слабо отличается от других стран: круги общения МВП в России полиэтничные, и такую же ситуацию можно наблюдать, например, в Германии и Швеции. В отличие от той же Германии, однако, в России МВП практически без исключений владеют русским на уровне родного или свободного (культурная интеграция). Кроме того, в отличие от основных принимающих обществ, сильных отличий МВП от местных сверстников в плане гендерных норм в России анализ не выявил. Идентификационная интеграция МВП в России не является проблемной — и в этом ситуация похожа на ситуацию в североамериканских странах и отличается от Германии, где МВП в первую очередь связывают себя со страной происхождения родителей, а с принимающей страной связь у них слабая.

Мигранты второго поколения в России не испытывают существенных проблем с интеграцией и, в сравнении с международными случаями, находятся в наилучшем положении. Хотя в целом ситуация благоприятная, есть ряд воспроизводящихся проблем, решение которых будет способствовать лучшей интеграции мигрантов второго поколения, сталкивающихся с ними. В частности, так бывает, что мигранты второго поколения за время жизни в России и учебы в школе не получают российское гражданство. В результате, окончив школу, они сталкиваются с невозможностью продолжать бесплатное образование, более того, по достижении совершеннолетия они оказываются юридически уязвимы, в частности могут быть депортированы. Решением этой проблемы может быть включение категории «получивший в России основное общее образование» в число категорий лиц, имеющих право получить российское гражданство по упрощенной процедуре. Вторая проблема — отсутствие комплексного решения проблемы изучения русского языка как иностранного детьми-мигрантами в школах. Низкий уровень русского языка способствует снижению ожидаемого социально-экономического профиля мигрантов второго поколения, более того, делает их изгоями в классе. В решении этой проблемы школы предоставлены сами себе, существенным подспорьем для них может стать масштабирование уже разработанных практик на страну. Третья проблема состоит в том, что девушки из консервативных семей часто становятся объектом домашнего насилия — физического и психологического — и сопряженных с ним ментальных проблем. Создание системы психологической помощи для таких девушек и включение в подготовку специалистов-психологов культурного

компонента, равно как и расширение сети «убежищ для женщин, попавших в беду», может способствовать разрешению ситуаций, связанных с патриархальным давлением в семье. Четвертая проблема — это конфликтный потенциал «культурных» мероприятий в школах и ВУЗах, в которых МВП представляют страны происхождения родителей. Массовая драка армян и азербайджанцев на мероприятии «Москва нас подружила» в РУДН в 2007 г. — характерный пример этой проблемы. Ее решение — изменение сценария типичного мероприятия, в рамках которого на смену соревновательности должно прийти сотрудничество, а национальное должно поменяться на семейное⁷.

Список литературы (References)

Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176—199.

Alexandrov D. A., Baranova V. V., Ivaniushina V. A. (2012) Immigrant Children and Their Parents: Interaction with the Russian School. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 176—199. (In Russ.)

Александров Д. А., Иванюшина В. А., Казарцева Е. В. Этнический состав школ и миграционный статус школьников в России // Вопросы образования. 2015. № 2. С. 173—195.

Alexandrov D. A., Ivaniushina V. A., Kazartseva E. V. (2015) Ethnic Composition and Migration Status of Primary and Secondary School Students in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 173—195. (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А. Интеграция мигрантов: что это и какую роль в ее осуществлении может играть государство // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 3. С. 315—330.

Varshaver E., Rocheva A. (2016) Migrant Integration: What it is and What Role Does The State Play in its Implementation? *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 14. No. 3. P. 315—330. (In Russ.)

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. Методические рекомендации по проведению интеркультурных практик. Academia.edu. 2015. URL: https://www.academia.edu/29851042/Методические_рекомендации_по_проведению_интеркультурных_практик (дата обращения: 06.04.2019).

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2015) Manual for organizing intercultural events. Academia.edu. URL: https://www.academia.edu/29851042/Методические_рекомендации_по_проведению_интеркультурных_практик (accessed: 06.04.2019).

Варшавер Е., Рочева А., Иванова Н. Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 110—117.

⁷ Подробнее о том, какие принципы следует закладывать в такого рода мероприятия см. [Варшавер, Рочева, Иванова, 2015; Варшавер, Рочева, Иванова, 2017; Varshaver, Rocheva, Ivanova, 2017].

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2017) Migrant Integration on the Local Level: Results of an Academic and Practical Project. *Sociological Studies*. Vol. 5. P. 110—117. (In Russ.)

Мукомель В. И. Особенности адаптации и интеграции представителей полуторного поколения мигрантов // Материалы IV очередного Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие». Российское общество социологов (Москва). 2012. С. 8148—8156. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf (дата обращения: 05.04.2019).

Mukomel' V.I. (2012) Features of Adaptation and Integration of Representatives of the 1.5 Generation Immigrants. In: *Proceedings of the IV Russian Sociological Congress "Sociology and society: global challenges and regional development"*. Russian Society of Sociologists (Moscow). P. 8148—8156. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Mukomel_IV_Kongress.pdf (accessed: 05.04.2019). (In Russ.)

Varshaver E., Rocheva A., Ivanova N. (2017). Bridging Science and Practice: Migrant Integration Events in Moscow Neighborhoods. *Urban Studies and Practices*. Vol. 2. No. 1. P. 25—39.

Esser H. (2001) Integration und Ethnische Schichtung. Arbeitspapiere — Mannheimer Zentrum für Europäische Sozialforschung. No. 40. URL: <http://www.mzes.uni-mannheim.de/publications/wp/wp-40.pdf> (accessed: 05.04.2019).

Esser H. (2004) Does the “New” Immigration Require a “New” Theory of Intergenerational Integration? *International Migration Review*. Vol. 38. No. 3. P. 1126—1159. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00231.x>.

Heckmann F., Schnapper D. (eds.) (2003) The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence. Stuttgart: Lucius & Lucius.

Heckmann F., Bosswick W. (2005) Integration and Integration Policies. Bamberg: European Forum for Migration Studies.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001). Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual review of sociology*. Vol. 27. No. 1. P. 415—444. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>.

Rumbaut R. G. (1997) Paradoxes (and orthodoxies) of assimilation. *Sociological Perspectives*. Vol. 40. No. 3. P. 483—511. <https://doi.org/10.2307/1389453>.